18-го Апрѣля № 16. 1885.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.
Безъ доставки
на годъ. . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсяц. . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсяц. . 4 р. — к.
на 3 мѣсяц. . 2 р. 50 к.
Отдѣльн. нумера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ. . . . 8 р. —
на 9 мѣсяц. . 6 р. —
на 6 мѣсяц. . 5 р. —
на 3 мѣсяц. . 3 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . . . 14 руб.

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ ред. СПБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА
принимается въ Конторѣ—СПБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 5, а также въ книж. маг., Вольфа, Нев., Гостин. дв. № 18. Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. магазинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Областная исторія и областной историкъ.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Иркутска, Томска, изъ Селенгинскаго округа, Владивостока, Коканда, изъ Семирѣченской области, Вѣрнаго, Кокчетава и укрѣпленія Петро-Александровскаго. — Новое пожертвованіе.—Сибиряки на похоронахъ Н. И. Костомарова.—Нѣсколько верстъ по Южно-Уссурійскому краю. *М. Греб—ова.*—Русская Центральная Азія. Сыръ-Дарьинская и Аму-Дарьинская области. (Изъ писемъ *Генри Ланселля*).—Все за правду.—Хроника жизни за недѣлю. — Объявленія.

ПОДПИСКА НА
„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
въ 1885 году продолжается.

СОДЕРЖАНІЕ
„ЛИТЕРАТУРНАГО СБОРНИКА“,
ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГАЗЕТѢ.

Беллетристическіе разсказы: Въ тайгѣ (очерки золотопромышленной жизни). *Завиткова.* — На чужой сторонѣ (нѣсколько главъ изъ жизни ссыльныхъ).—Переселенцы (изъ путешествія по Алтаю). *Н. Ядринцева.*—Статьи и изслѣдованія: Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губерніи. — Хозяйственный бытъ сибирскаго земледѣльца. *С. Я. Капустина.* — Начало осѣдлости (изъ исторіи инородческой культуры). *Н. Ядринцева.* — Первобытный буддизмъ. *Л.* — Путешествіе на Олекму. *Г—ва.* — Очерки изъ путешествія по Китаю. *А. Потанинъ.* — Алтайскія легенды. *В. Вербицкаго.*—Фонъ-Визина въ Тобольскѣ (изъ переписки протоіерея Знаменскаго). — Воспоминанія объ Иркутскѣ. *Вагина.*—Начало печатныхъ изданій въ Сибири. — Старинные поэты въ Сибири и ихъ произведенія. — Сибирскія неизданныя лѣтописи. — Критика и библіографія. — О трудахъ и дѣятельности западнаго и восточнаго сибирскихъ отдѣловъ Императорскаго Географическаго Общества.

Къ печатанію сборника приступлено, годовые подписчики „Восточнаго Обозрѣнія“ получатъ приложеніе **безплатно.**
Сибирскія газеты по условію съ редакціей пользуются уступкою.
Цѣна „Сборника“ для неподписчиковъ **2** руб. **50** коп., съ пересылкой **3** р.

ОБЛАСТНАЯ ИСТОРІЯ И ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКЪ.

И, о дыво! трупы всталы
И очи раскрылы!
И братъ зъ братомъ обнялыся
И проговорылы
Слово тихои любъви
На викы и викы!

Мы пишемъ эту статью, воротившись съ могилы одного изъ выдающихся и симпатичнѣйшихъ историковъ послѣдняго времени, историка, замѣчательнаго не только своимъ завиднымъ талантомъ, соединявшимъ художественное творчество съ исторической правдой, обладавшаго огромной эрудиціей, но и олицетворявшаго извѣстную идею въ русской исторической наукѣ.

Таланту этого человѣка, его исторической правдивости отдаютъ дань справедливости даже люди другихъ лагерей, держащіеся иныхъ воззрѣній на русскую историческую жизнь. Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ вообще Россіи, не сталъ на одну исключительно государственно-централистскую точку зрѣнія, онъ началъ съ другаго конца. Онъ глубоко извѣдалъ жизнь народную, охватилъ ее своимъ взоромъ и понялъ душою. Эту жизнь нужно было изучать и подмѣчать въ частностяхъ, въ развитіи областныхъ инстинктовъ, въ сердцѣ государства, внутри его, тамъ, гдѣ не умолкъ и вѣчно пролагаетъ себѣ дорогу ручей народной областной жизни, гдѣ онъ полонъ своего шопота, немолчной поэзіи, гдѣ онъ напѣваетъ свои тайны.

Обстановка въ высшей степени благопріятствовала развитію богатаго таланта Н. И. Костомарова. Великаго исто-

рика рождаетъ Украйна, югъ Россіи, Малороссія, она съ дѣтства навѣваетъ ему свои преданія, она ласкаетъ его и обвиваетъ его любовно своею повеликой, поетъ свои задушевныя пѣсни и глубоко приковываетъ навсегда его сердце. Въ моментъ своей зрѣлости и выросшаго сознанія, окончивъ университетскій курсъ, когда ему готовится каѳедра и онъ приготовляетъ 2-ю диссертацію, любознательность приковываетъ его не къ одному архивному матеріалу, не къ изсушающей переработкѣ стараго историческаго матеріала, напротивъ, онъ обращается къ живому источнику народной жизни, къ этнографическому бытовому матеріалу, „въ простомъ платьѣ онъ бродитъ по слободамъ и шинкамъ своей области, изучая обычаи страны и записывая пѣсни". Заправская ученость его считаетъ въ это время блаженненькимъ.

Послѣ защиты своей 2-й диссертаціи, молодой ученый, будучи учителемъ ровенской гимназіи, дѣлаетъ нѣсколько поѣздокъ въ историческія мѣстности Волынской губерніи. Огромное количество собранныхъ имъ въ это время народныхъ пѣсенъ вошло впослѣдствіи въ „Малороссійскій Литературный Сборникъ" Д. Л. Мордовцева. Вѣроятно, въ это время ученый услышалъ живой голосъ народный, его „мовъ", его сокровенную рѣчь и научился понимать ее. Она подсказала ему то, что не досказали ему и не могли сказать блѣдные архивные документы и сухая лѣтопись событій. Исторія народа не есть нанизываніе фактовъ и кропотливая работа буквоѣда-компилятора, настоящій историкъ влагаетъ въ нее душу и эту душу въ исторію вложилъ дорогой для многихъ покойникъ. Онъ отдалъ этой исторіи жаръ сердца, свое лучшее вдохновеніе. Говорятъ, „онъ былъ художникъ", но нужно знать, откуда же и чѣмъ питалось это художество, что дало полетъ воображенію, откуда эта масса живучести у человѣка, сохранившаго горячее чувство, пылкую фантазію поэта въ 60 слишкомъ лѣтъ, написавшаго 40 томовъ, не сухихъ комментарій, но глубоко-талантливыхъ вдохновенныхъ страницъ, и писавшаго еще бы и еще, если бы коснѣющая отъ болѣзни и дряхлости рука не упала, выронивъ перо, и не склонилось маститое чело, сохранявшее до конца работу мысли и пылкое вдохновеніе. Что же питало эту душу, что грѣло ее?..

Любовь къ родинѣ, вскормленная съ дѣтства, сознательно усвоенная, пропитавшая все существо человѣка, глубоко охватившая душу, всегда бываетъ источникомъ величайшей душевной силы, энергіи и вдохновенія. Эта любовь выпадаетъ на долю немногихъ. Сладко, мучительно, какъ любовь къ женщинѣ, охватываетъ она юношу и старца, иногда соединяя ихъ въ одни объятія. Она даетъ неизсякаемую пищу мыслителю и краснорѣчіе пророку. Такою любовью сынъ Украйны полюбилъ свою родину. Онъ мечтаетъ посвятить ей силы, онъ думаетъ о пробужденіи сознанія не только малороссійскаго, но и всеславянскаго. Въ это время составляется цѣлый кружокъ изъ людей, столь же преданныхъ, горячихъ и исполненныхъ готовности изучать свою родину, работать для нея. Въ этихъ рядахъ стояли Шевченко, Кулишъ, Маркевичъ, Гулакъ, Навроцкій и др. Это былъ цвѣтъ украинской интеллигенціи. Но вотъ въ 1847 году разражается гроза. Кружокъ, основанный на пользу изученія славянства, посвященный Кириллу и Меѳодію, обвиняется въ украйнофильско-сепаратистическихъ стремленіяхъ, и историкъ вмѣстѣ съ другими подвергся опалѣ. „Сепаратизмъ", терминъ, взятый изъ чужой исторіи, посторонней намъ, въ силу безсмысленнаго употребленія сталъ острымъ словомъ клеветы для всякой мѣстной привязанности. Собственно этотъ терминъ никогда не имѣлъ даже смысла въ приложеніи къ русской жизни. Сепаратизмъ предполагаетъ силу, серьёзное политическое движеніе, но какая же изъ областей сильнаго и могучаго государства могла и можетъ думать объ этомъ? Сепаратизмъ же въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ просто безсмыслица. Нетрудно замѣтить, что здѣсь происходило всегда недоразумѣніе, и подъ сепаратизмомъ часто разумѣлся невинный патріотизмъ. Но патріотизмъ есть не только вещь допустимая, дозволенная, но въ высшей степени похвальная и доблестная. Пусть каждый любящій отечество, любитъ и свой край. За любовь, за привязанность сердца нельзя судить и винить, этой привязанности не уничтожить, она будетъ только разгораться.

Знаменитый историкъ всю жизнь свою, конечно, любилъ свою область, свою Украину, произведшую его на свѣтъ, онъ любилъ ее нѣжно, какъ сынъ свою мать, но онъ же трудами цѣлой жизни доказалъ, что въ этой любви не было ничего враждебнаго и преступнаго. Онъ умираетъ окруженный почестями, чинами, другомъ славянства, другомъ человѣчества.

Восшествіе на престолъ Александра II было временемъ обновленія и призванія всей Россіи и русскихъ областей къ новой жизни.

Въ эту торжественную минуту, въ 1858 г., покойный историкъ появляется на каѳедрѣ Петербургскаго университета во всеоружіи науки, въ полномъ разцвѣтѣ силъ, онъ привлекаетъ слушателей, приковываетъ ихъ силою своего таланта, огромной эрудиціей и пробуждаетъ любовь къ русской исторіи. Эта исторія подъ его перомъ является исторіей великаго народа, живущаго въ частяхъ и цѣломъ, исторіей массъ, онъ воспроизводитъ психологію этихъ массъ, ихъ чувствъ, настроеній, какъ и отдѣльныхъ историческихъ личностей. Онъ слѣдитъ за областными движеніями и областной исторической жизнью. Его сочиненія о древнихъ народоправствахъ воскрешаютъ живую исторію Вятки и Новгорода, онъ выясняетъ взглядъ о федеративномъ началѣ древней Руси и черты двухъ народностей, выходившихъ на историческую арену. Все цѣльно, полно, гармонично и ясно въ этой исторіи. Мы слышимъ въ этой исторіи и шумъ народныхъ волнъ, видимъ отдѣльныя теченія, видимъ слагающуюся жизнь народную въ ея деталяхъ и разнообразныхъ областныхъ единицахъ, видимъ идею, видимъ притаившійся и тихо вѣющій на насъ самый духъ народный. Можно ли послѣ этого сказать, что это лицо, творившее народную исторію съ ея народоправствами, земствами, историкъ, столь живо чувствовавшій народно-областную жизнь, историкъ новаго, невѣдомаго направленія, не имѣлъ школы?.. А между тѣмъ мы услышали эти слова почти надъ его гробомъ.

„Костомаровъ не создалъ особой школы въ наукѣ, — пишетъ одна газета, — какъ создалъ ее Соловьевъ, это обусловливалось самой сущностью его произведеній". Конечно, почтенная газета, заявившая эту истину, вѣроятно, стояла на высотѣ ученой критики, и ея предпочтеніе Соловьева и умаленіе Костомарова обусловливается ея симпатіями. Но мы должны замѣтить, что не всѣ способны раздѣлять эту точку зрѣнія. Было время, когда иначе смотрѣли на Н. И. Костомарова, онъ имѣлъ учениковъ-поклонниковъ. Вѣдь весьма недавно Костомаровъ сталъ оцѣниваться *только* какъ *художникъ*,

т. е. беллетристъ исторіи, и болѣе ничего, но надобно было имѣть для этого очень короткую память, надо было забыть даже его ученикамъ ту философскую сторону, которая несомнѣнно была въ трудахъ этого учителя. Не мѣшаетъ спросить его земляковъ, дѣйствительно ли онъ не оставилъ никакого идейнаго сокровища, кромѣ художественнаго разсказа.

Самая художественность его, если ужъ разсматривать ее, была принадлежностью чисто племенной. И Гоголь, и Шевченко были художниками попреимуществу. Малороссія создавала не разъ художниковъ, своихъ „маляровъ", что же мудренаго, что явился маляръ, который на широкомъ полотнѣ исторіи нарисовалъ цѣлыя картины исторической народной жизни. Глубоко-поэтическая натура украинца дала и здѣсь себя почувствовать. Да, это былъ художникъ, только не чета другимъ художникамъ.

Покойный Н. И. Костомаровъ никогда не былъ отщепенцемъ, онъ до конца жизни не забываетъ работать для обновленія мѣстной литературы, и творенія Іереміи Галки будутъ, вѣроятно, не менѣе популярны, какъ и его большіе труды среди его земляковъ, и это дорогая черта его натуры. Онъ выступалъ въ защиту роднаго слова и роднаго обновленія. Понятна та любовь, которая сосредоточилась на могилѣ этого человѣка въ кружкѣ его земляковъ, понятно, почему Кіевъ и Харьковъ послали ему лучшіе цвѣты свои и горячо оплакали эту потерю; понятно, почему мы услышали на его могилѣ теплое прощанье этихъ осиротѣлыхъ земляковъ, называвшихъ его своимъ „батькой", это трогательное поклоненіе молодаго поколѣнія, которое было вскормлено этимъ „батькой". Не одна слеза падетъ на Украинѣ, не одна родная верба наклонится, не одна дума пробудится надъ „батькой", который для Петербурга останется только художникомъ.

Среди общаго горя друзей покойнаго и мы выражаемъ нашу сознательную скорбь о немъ. Мы, отдаленная окраина земли русской, чтимъ его труды столь же глубоко, понимая областную связь и родство наше, мы, также ожидающіе своего областнаго обновленія, вѣрующіе, что развитіе русской области будетъ лучшимъ залогомъ русской исторической жизни.

Невольно мы припоминаемъ на этой могилѣ другую силу, также одновременно съ Н. И. Костомаровымъ выступившую съ областной исторіей и идеей областности; мы вспомнили Щапова. Странно, двѣ силы, два могучихъ историческихъ дарованія выкинула русская область въ одно и то же время великаго обновленія на поверхность русской жизни. Обѣ эти силы служили одной идеѣ, но судьба ихъ была разная. Одинъ остается послѣдовательнымъ своей идеѣ до конца жизни и не разочаровался въ ней. Онъ остался вѣренъ симпатіямъ своей юности, умираетъ съ любовью въ свою отчизну, хоронится боготворимый ею и окруженный привязанностями юнаго поколѣнія съ его свѣжими отраслями. Завидная судьба!

Другой, выдвинувшій въ началѣ еще ярче идею областности, умираетъ въ родной странѣ безслѣдно и одиноко. Онъ не воспиталъ около себя любви, среди своихъ земляковъ онъ оставался чуждымъ, озлобленнымъ и покинутымъ. Глубокая драма терзала его душу передъ концомъ, у него не было ни отрады, ни утѣшенія, ни привязанностей.

И это отъ того, что онъ давно разорвалъ связь съ своими лучшими симпатіями, иной потокъ увлекъ его изъ того міра, съ той почвы, гдѣ онъ былъ Антеемъ, въ область туманнаго космополитизма и внутренняго разлада, заставившаго его ненавидѣть жизнь и все общество. Онъ не могъ быть ни пророкомъ, ни учителемъ на родинѣ, ибо въ его сердцѣ не было любви въ ней, не было всепрощенія своей родинѣ, глаза, истуманенные горемъ, не позволили ему видѣть свѣтлыя точки грядущаго. Онъ не нашелъ вѣры въ себя и въ жизнь, ибо потерялъ дорогое имущество—чувство привязанности къ своей области.

ХРОНИКА.

Газета «Сибирь», къ нашему удовольствію, оказалась вполнѣ солидарной съ высказанными нами взглядами на амурское порто-франко. Помѣщаемъ замѣтку объ этомъ изъ 10 № этой газеты.

«Мы получили изъ Москвы записку, изъ которой узнали, что нѣкоторые изъ торговыхъ предпринимателей намѣрены войдти, куда слѣдуетъ, съ просьбою о прекращеніи порто-франко на Амурѣ. Не передаемъ содержанія записки, такъ какъ, во-первыхъ, приводимыя въ ней цифры частію устарѣли, а частію ничего не доказываютъ. Все сводится, по обычаю, къ жалобамъ на преобладаніе иностранцевъ съ ихъ «гнилыми» товарами и на угнетеніе русскихъ. Послѣднія свѣдѣнія объ амурской торговлѣ, сообщаемыя газетою «Владивостокъ», показываютъ, что въ послѣдніе годы торговля русскихъ даже въ Владивостокѣ и Николаевскѣ, не говоря уже о Благовѣщенскѣ, обнаруживаетъ стремленіе къ преобладанію, благодаря улучшенію путей сообщенія и добросовѣстности торгующихъ. Примѣромъ для всѣхъ служатъ широко раскинутыя по всему краю предпріятія г. Чурина. Намъ всегда казалось, что пора бы перестать сибирякамъ быть приказчиками и коммиссіонерами москвичей. Кто имъ мѣшаетъ и самимъ пользоваться порто-франко и заводить сношенія съ заграничными фирмами? Да и на что простирается свобода пропуска? На такія издѣлія, которыя менѣе всего употребляются населеніемъ и которыхъ конкурренція всего менѣе опасна для хорошихъ русскихъ товаровъ. Китайская же замкнутость ни въ торгово-промышленномъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи не ведетъ къ добру. Зачѣмъ же было прорубать окна и двери въ Европу и въ Великій океанъ. Не спросились ни Великій Петръ, ни Муравьевъ у гг. московскихъ комерсантовъ,—экіе вѣдь какіе!»

АМУРСКОЕ ПОРТО-ФРАНКО И ЦАРЬ-КОЛОКОЛЪ.

Почему такъ москвичи заинтересованы Амуромъ и для чего имъ хочется здѣсь создать налогъ и пошлины? Задачу эту разъясняетъ московскій обозрѣватель «Новаго Времени».

Москвичи, какъ оказывается, имѣютъ въ виду перелить свою царь-пушку и царь-колоколъ; это будетъ утѣшать и возвеличивать еще болѣе москвичей. «Перелить колоколъ и пушку нужны средства, которыя, говоритъ этотъ обозрѣватель, предполагается взять изъ кармана московскихъ купцовъ, и слышно уже, что они даютъ обѣтъ перелить царь-пушку, если увѣнчается успѣхомъ ихъ ходатайство объ уничтоженіи порто-франко на Амурѣ. Если вы еще ничего не слыхали объ этомъ ходатайствѣ, такъ слушайте. Недовольные результатами прекращенія кавказскаго транзита, московскіе коммерсанты протянули лапки къ далекому Востоку и теперь убѣждаютъ, что амурское порто-франко губитъ московскую торговлю. Если ходатайство будетъ успѣшно, коммерсанты непремѣнно исполнятъ дѣло переливки щербатаго колокола».

Вполнѣ сочувствуя любимому дѣлу москвичей, мы, однако, лучше бы посовѣтовали обращаться къ сибирякамъ прямо съ подпиской, а то за что же будетъ страдать цѣлый край, испытывая страшную дороговизну и лишеніе за то, что Москвѣ звонить хочется.

Газета «Сибирь» получила 26-го февраля слѣдующую телеграмму отъ правителя канцеляріи Пріамурскаго генералъ-губернатора, г. Тумковскаго:

«Идетъ много народа изъ разныхъ губерній на Желтугу, гдѣ цѣны на все страшно ростутъ; заработки становятся ничтожны; покупателей золота мало, оно пало въ цѣнѣ; бездорожье; угрожаетъ неизбѣжный голодъ; остановить приливъ рабочихъ безусловно необходимо; дѣлается распоряженіе арестовать контрабандное золото; выставляется кордонъ для непропуска рабочихъ. Объявивъ объ этомъ и отговаривая отъ наплыва рабочихъ, предупредите много несчастій».

Эта телеграмма, заключая непріятное извѣстіе, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрадный фактъ обращенія администраціи къ помощи мѣстной прессы. Заносимъ это въ хронику.

Та же газета получила телеграмму изъ Укыра отъ 1-го марта: «Ѣдущихъ въ Желтугу по подорожнымъ останавливаютъ, по распоряженію читинскаго начальства».

Въ № 5 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» напечатанъ замѣчательный «актъ». Главное управленіе восточной Сибири, вслѣдствіе предложенія предсѣдательствующаго, разсмотрѣвъ законы объ отношеніяхъ земскихъ исправниковъ и засѣдателей къ волостнымъ сходамъ и о правахъ волостныхъ правленій въ отношеніи сельскихъ, постановило, между прочимъ: «сдѣлать распоряженіе, чтобы исправники не дозволяли себѣ вмѣшиваться въ рѣшеніе какихъ либо дѣлъ, Высочайше возложенныхъ на общественныя управленія крестьянъ, а засѣдатели только тогда, когда выбранъ въ писаря неблагонадежный человѣкъ, обязаны предложить выбрать другаго. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ обязаны доносить въ окружное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе». «Слова золотыя, но...»—прибавляетъ многозначительно газета «Сибирь».

Газета «Сибирь» слышала, что сенатъ рѣшилъ уволить вовсе отъ службы еще двухъ чиновниковъ. Утѣшительно, замѣчаетъ газета, потому что по принятому здѣсь порядку лица, заключавшіяся по преступленіямъ по должности, какъ-то чрезвычайно быстро устраиваютъ здѣсь себѣ мѣста.

На базарѣ въ Иркутскѣ, по сообщенію той же газеты, появилось новое начальство: какая то французская бородка, выдавая себя за члена городской управы, позволяетъ себѣ дѣлать кое-кому распеканціи, а кого и прямо арестуетъ. Что бы это значило? Не новое ли проявленіе червоннаго валетства?

Новый составъ Иркутской думы, въ который вошли и интеллигентныя, молодыя силы, начинаетъ благотворно проявлять себя. Прискорбно только то, что честное отношеніе къ дѣлу съ перваго раза вызвало для нѣкоторыхъ непріятности. «Сибирь» передаетъ не особенно красивые факты изъ думской жизни: «Въ думскомъ засѣданіи 19-го февраля чрезвычайно тяжолое впечатлѣніе на думу произвело крайне грубое и неприличное обращеніе городскаго головы съ уважаемымъ новымъ гласнымъ Х. К. П., который всталъ, чтобы сдѣлать какое-то замѣчаніе на роспись, но не успѣлъ сказать и двухъ словъ, какъ вдругъ голова, неистово зазвонивъ, почти закричалъ на него: «милостивый государь, довольно, прошу!» Это сопровождалось невыразимой жестикуляціей».

Въ засѣданіи Иркутской думы 27-го февраля предполагалось продолжать разсмотрѣніе годовой смѣты, но нѣкоторые гг. гласные нашли лучшимъ начать травлю одного изъ своихъ сотоварищей. Произошла, по словамъ газеты «Сибирь», весьма неприличная сцена. Гласному съ замѣчательною откровенностью коментировались выраженія, сказанныя имъ въ прежнихъ засѣданіяхъ и бившія не въ бровь, а въ глазъ разныхъ загребателей; много говорилось о приличіи, благовоспитанности, и т. п.; дѣлались намеки на участіе въ газетѣ «Сибирь»; забывалось только одно—истина: съ чиновниковскою ловкостью правда перемѣшивалась ложью. Гласный отгрызался, на сколько хватало у него силъ. Онъ прямо называлъ нѣкоторыя обвиненія ложью; но обвинители, не смущаясь этимъ, продолжали свое дѣло. Гласные Вагинъ и Сибиряковъ приглашали думу заняться дѣломъ, но приглашеніе не подѣйствовало, и уважаемые названные гласные покинули залу засѣданія. Фактъ крайне непріятный изъ иркутской лѣтописи.

Мы сообщали уже, что въ городѣ Вѣрномъ военнымъ врачемъ И. Я. Атласовымъ были прочитаны двѣ крайне интересныя публичныя лекціи о физическомъ воспитаніи дѣтей. Нынѣ комитетъ Общества содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ, получивъ отъ И. Я. Атласова деньги, собранныя съ этихъ лекцій въ количествѣ 150 рублей въ пользу Общества, постановилъ выразить почтенному лектору самую душевную признательность. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняя просьбу комитета о публикаціи этого постановленія, мы позволимъ замѣтить два слова отъ себя. И. Я. Атласовъ, уроженецъ Сибири, недавно окончившій курсъ въ медико-хирургической академіи, весьма понятно, хорошо знаетъ положеніе учащейся здѣсь сибирской молодежи и онъ быстро откликнулся на зовъ пріѣдти на помощь ей. Для благой цѣли уважаемый врачъ избралъ и прекрасное средство. Онъ, видя въ окружающей средѣ отсутствіе имѣющихъ такую громадную важность научныхъ знаній о физическомъ воспитаніи дѣтей, избралъ для своихъ лекцій этотъ отдѣлъ знанія.

И. Я. Атласовъ въ одномъ дѣлѣ соединилъ двѣ прекрасныя цѣли—примѣръ, достойный подражанія.

Въ петербургское Общество вспомоществованія учащимся сибирякамъ изъ Иркутска выслано уже болѣе 1,000 рублей пожертвованій, какъ видно изъ отчетовъ, благодаря тому содѣйствію, которое оказалъ ему честный и благородный органъ, газета «Сибирь».

Томскъ до сихъ поръ не откликнулся ничѣмъ. Первое пожертвованіе по подпискѣ, собранное въ количествѣ 35 руб., выслано нынѣ г. Хаовымъ—это единственное пожертвованіе оттуда. Конечно, Общество содѣйствія учащимся поблагодаритъ и за этотъ вкладъ, принимая во вниманіе иниціативу г. Хаова и его чуткость къ доброму дѣлу обезпеченія учащихся сибиряковъ и спасенія ихъ отъ голоду. Надо прибавить къ утѣшенію Томска, что наибольшая помощь петербургскимъ Обществомъ въ этомъ году оказана преимущественно томичамъ, т. е. пріѣхавшимъ учиться изъ томскихъ учебныхъ заведеній.

Содержавшійся въ нерчинской тюрьмѣ, по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ разныхъ конкурсахъ, Ст—скій, освобожденъ отъ заключенія иркутскимъ судомъ и тотчасъ же укатилъ въ Иркутскъ, для свиданія съ нужными людьми. Впрочемъ, передъ отъѣздомъ посѣтилъ общедоступный клубъ, въ которомъ нашелъ больше пыли, чѣмъ у себя въ тюрьмѣ, и весь полъ ради этого облилъ шампанскимъ, затѣмъ перебилъ въ буфетѣ посуду, заплатилъ сто рублей и торжественно поклялся мстить своимъ врагамъ...

«Сибирская Газета», въ хроникѣ своего 11 №, отозвавшись съ похвалою относительно возбужденія вопроса о необходимости изслѣдованія жизни крестьянства въ экономическомъ отношеніи, поднятаго въ отдѣленіи статистики Императорскаго русскаго географическаго Общества, замѣтила, что не слѣдуетъ забывать и жизнь инородцевъ. Для разъясненія этого, мы можемъ сообщить, что послѣ докладовъ гг. Капустина и Михайлова возбужденъ вопросъ и одобрено предложеніе о неотложности изслѣдованія не только однѣхъ крестьянскихъ, но и казачьихъ и инородческихъ общинъ.

Мы получили отъ г-жи Горевой слѣдующее письмо на имя редактора, которое иркутяне, конечно, примутъ, какъ пріятный и сердечный привѣтъ для нихъ.

«Многоуважаемый Николай Михайловичъ.

«Позвольте чрезъ посредство ваше искренно, отъ всего сердца, поблагодарить милыхъ сибиряковъ и сибирячекъ за то вниманіе и сочувствіе, какое они оказали мнѣ какъ артисткѣ. Ихъ сочувствіе—лучшая и самая цѣнная для меня награда, которая останется самымъ свѣтлымъ, самымъ дорогимъ воспоминаніемъ въ моей артистической карьерѣ.

11-го апрѣля 1885 г. **Елизавета Горева**
С.-Петербургъ. (артистка иркутскаго театра)».

Сколько извѣстно, иркутское общество, при прощаньѣ съ Е. Н. Горевой, поднесло ей сочувственный адресъ и глубоко цѣнило ея артистическое служеніе и ея талантъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Иркутскъ (корр. „Вост. Обозр."). Истекающая зима была полна для Иркутска живаго интереса. Происходили городскіе выборы. Въ истекшее четырехлѣтіе городская дума была—въ большинствѣ своихъ членовъ—до такой степени апатична, дѣйствія городской управы, извѣстныя отчасти и читателямъ вашей газеты, до такой степени возбуждали общее неудовольствіе, что настоятельная необходимость обновить составъ городскаго управленія была для всѣхъ очевидна. Но вопросъ—какъ обновить его? Между городскими избирателями образовались три партіи. Одну, сильную своимъ прежнимъ вліяніемъ на дѣла, но слабую и талантомъ, и энергіей, можно назвать купеческо-банковой. Она состояла почти исключительно изъ купцовъ, ихъ служащихъ и дѣятелей банка Медвѣдникова. Другая партія, по странному сплетенію отношеній, составилась изъ чиновниковъ и нѣкоторыхъ виноторговцевъ. Это была самая способная и самая дѣятельная партія. Наконецъ, третью партію составляла такъ называемая молодая интеллигенція,—партію, богатую стремленіемъ къ общественной дѣятельности, но очень слабую и численностью, и умѣньемъ вести дѣло. Понятно, что каждая изъ этихъ партій старалась пріобрѣсти какъ можно болѣе прозелитовъ, и зорко слѣдила за дѣятельностью другихъ партій. Особенною дѣятельностью и въ то же время неразборчивостью средствъ, отличалась одна партія, которая руководилась людьми, опытными въ интригахъ и тѣмъ болѣе опасными, что они скрывались за кулисами. Она не останавливалась ни передъ пропагандой черезъ Гулакъ-Артемовскую и черезъ полицейскихъ чиновниковъ, ни передъ подкупами. Доходило до того, что мелкіе домовладѣльцы изъ ремесленной слободы ходили по домамъ „наниматься на выборы". Но всего хуже было то, что эта партія дѣйствовала отъ имени человѣка, который (по крайней мѣрѣ, такъ увѣряютъ) былъ совершенно чуждъ ея интригъ, и компрометировался ими, и связь котораго съ партіей была совершенно случайна. Началась избирательная борьба, имѣвшая результатомъ то, что на выборахъ каждыя двѣ партіи побивали кандидатовъ третьей, и вслѣдствіе этого въ двухъ послѣднихъ разрядахъ (въ первомъ выборы прошли очень гладко, ибо тамъ были все свои люди) съ трудомъ было выбрано законное число гласныхъ, и то во второмъ разрядѣ послѣ перебаллотировки. Но и этого показалось мало спорящимъ партіямъ: поданы были протесты на выборы въ этихъ двухъ разрядахъ. При этомъ были допущены не только указанія на нарушенія закона, но и инсинуаціи. Выборы были отмѣнены губернскимъ присутствіемъ. На новыхъ выборахъ повторилась та же исторія, съ тою только разницей, что молодая партія стушевалась, примкнувъ къ купеческой, и что борьба между остальными партіями стала еще упорнѣе, а интриги одной изъ нихъ еще смѣлѣе; были поданы жалобы и на эти выборы, но на этотъ разъ жалобы совершенно пустыя; губернское присутствіе такими ихъ и признало. Новая дума, наконецъ, организовалась.

Первымъ дѣломъ новой думы было, разумѣется, назначить кандидатовъ къ баллотировкѣ въ городскіе головы и въ члены управы. Къ баллотировкѣ въ головы было предложено 22 человѣка, но изъ нихъ баллотировались только шесть. Вслѣдствіе ли вражды партій,—которая появляется и въ думѣ,—или по другимъ причинамъ, всѣ они были забаллотированы; пришлось назначать новые выборы. Наконецъ, въ головы былъ выбранъ единственный не отказавшійся кандидатъ — В. П. Сукачевъ. Г. Сукачевъ — человѣкъ еще молодой; онъ только въ нынѣшнее четырехлѣтіе попалъ въ гласные. Раньше онъ не занималъ никакихъ общественныхъ должностей и совершенно незнакомъ съ городскими дѣлами. Поэтому ему будетъ трудно управляться съ этими дѣлами, особенно въ первое время, когда придется очищать авгіевы конюшни прежняго управленія. Но у него есть образованіе и желаніе трудиться; неизвѣстно только, есть ли у него выдержка и настойчивость, и достанетъ ли у него умѣнья руководить засѣданіями думы. Вообще желательно, чтобы онъ въ своей дѣятельности почаще совѣтовался съ своими ближайшими сотрудниками (въ члены управы выбраны люди опытные въ городскомъ хозяйствѣ) и руководился рѣшеніями думы и не поддавался вліянію своихъ quasi—друзей и нашептываніямъ разныхъ дѣльцовъ со стороны.

Томскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія"). Въ началѣ февраля здѣсь закрылась библіотека братьевъ Волынскихъ, которая открыта была въ минувшемъ году. Не смотря на пониженную цѣну абонементамъ всѣхъ разрядовъ и на разнообразіе имѣвшихся въ ея распоряженіи книгъ, подписчиковъ было весьма ограниченное количество, такъ что приходъ не оправдывалъ расхода. Объясняется ли это невниманіе подписчиковъ личнымъ неудовольствіемъ къ распорядителямъ библіотеки, или другими причинами, намъ неизвѣстно; но Томскъ остается опять при одной библіотекѣ Михайлова и Макушина, которой въ виду возростающаго числа абонентовъ слѣдовало бы понизить плату за пользованіе книгъ, что не составитъ большаго лишенія, а чтеніе въ кабинетѣ можно, безъ ущерба, допустить безплатное. Народная безплатная библіотека не имѣетъ пока въ своемъ распоряженіи такихъ книгъ, которыя бы давали пищу уму и сердцу, а газетъ и вовсе нѣтъ, поэтому и великая польза ея еще впереди.—Новостями дня здѣсь служатъ слухи объ отъѣздѣ томскаго губернатора въ Петербургъ.

Изъ **Селенгинскаго округа**, Забайкальской области (корресп. „Восточнаго Обозрѣнія"). Бурятскія степныя думы представляютъ то темное царство, гдѣ не только чужой, лицо, непричастное къ бурятской жизни, но свой общественникъ-бурятъ не знаетъ, что творится. Онъ знаетъ только, что время отъ времени ему надо взнести деньги на содержаніе разныхъ депутатовъ и халенгировъ, на содержаніе думы и управъ, на какіе-то темные поборы... Онъ взноситъ и не знаетъ, какъ это расходуется, куда это идетъ. Отчетности не ведется никакой. О злоупотребленіяхъ бурятскихъ начальниковъ поднято нѣсколько уголовныхъ преслѣдованій, но въ какомъ положеніи эти дѣла—покрыто мракомъ неизвѣстности. Безцеремонность и обирательство инородческихъ начальниковъ не имѣетъ иногда предѣловъ, и всѣ ихъ продѣлки сходятъ съ рукъ, благодаря покровительству земской власти, всегда въ дружбѣ находящейся съ инородческой. Не такъ давно носилась молва, что для исправника Г. производили сборъ по 20 к. съ души, да, говорятъ, лакомый кусочикъ этотъ сорвался и попалъ на болѣе благое дѣло. Носились слухи о какомъ-то сборѣ по 1 коп. съ души, должно быть, для чина ниже исправника, носились слухи о какомъ-то тарантасѣ

ламѣ, но все это слухи... Поборы на столько въ послѣднее время возросли, что положительно начинаютъ разрушительно дѣйствовать на благосостояніе инородцевъ, а къ этимъ денежнымъ платежамъ присоединяется еще натуральная повинность—исправленіе кругобайкальской дороги, отстоящей отъ селенгинскихъ бурятъ на 200—300 верстъ. Повинность эта крайне тяжело отзывается на селенгинскихъ инородческихъ обществахъ. Пора подумать о судьбѣ этихъ обществъ и не допускать ихъ до окончательнаго раззоренія.

Владивостокъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія"). Скажемъ что нибудь о нашемъ городѣ, а то вслѣдствіе молчанія вашихъ корреспондентовъ не будетъ извѣстно, что Владивостокъ сталъ окончательно походить на городъ. Одинъ изъ корреспондентовъ вамъ писалъ, что надо подождать съ сужденіями о новомъ городскомъ головѣ, такъ какъ было мало времени. Теперь уже прошло немало времени, и обѣщанія г. Маковскаго работать въ пользу города оправдываются. Городъ освѣщенъ очень недурно, улучшены нѣсколько улицы, упорядоченъ извозчичій промыселъ, начаты ходатайства, потребовавшія немалыхъ приготовительныхъ работъ, и проч. Однимъ словомъ, пока отлично.

Недавно у насъ выпущена въ свѣтъ брошюра: „Анненскіе желѣзные ключи", В. Татаринова. Выпускъ такихъ брошюръ, какъ образчиковъ ссоры автора съ логикой и грамматикой, представляетъ весьма богатый матеріалъ для юмористическихъ газетъ. Вотъ почему я воздержусь разбирать эту вещицу. Достаточно сказать: авторъ назвалъ брошюру „желѣзные ключи", а на страницѣ 8-й изображаетъ: „почему они названы желѣзистыми ключами, неизвѣстно, а дѣйствительное употребленіе этой воды показываетъ отсутствіе желѣза". Между прочимъ, кромѣ талантливаго г. Татаринова, никто ихъ и не думалъ называть желѣзистыми. Далѣе (стр. 9): „тщательно произведенный анализъ" показываетъ то-то, а, между прочимъ, количественное содержаніе трехъ составныхъ частей не обозначено, да и самый анализъ оспаривается другими изслѣдованіями. Вообще объ этихъ ключахъ пишутъ, кому не лѣнь. Даже знаменитый баронъ Людорфъ издалъ брошюру въ 1882 г. въ Гамбургѣ. Но до такого неуваженія къ печати, какъ въ этой брошюрѣ дошелъ г. Татариновъ, кажется, никто не доходилъ. Любой ученикъ I-го класса напишетъ грамотнѣе. Нельзя же назвать типографской ошибкой фразу: „Эти воды, говоритъ докладчикъ..." и пр., а, между прочимъ, ни о какомъ докладѣ или докладчикѣ не было ни слова сказано. Выпускъ подобной ерунды (pardon!) объясняется лишь басней „зубастой щукѣ въ умъ..." и проч... Частію, однако, брошюрка походитъ на похвальный мадригалъ крестьянину Иванову, который „открылъ существованіе ключей образованному міру", а на самомъ дѣлѣ этотъ крестьянинъ извѣстенъ и не забудется никогда по другимъ дѣламъ. Эта вздорная брошюра стоитъ 40 коп.

Конандъ (корр. „Вост. Обозр."). Не взирая на разныя невзгоды и на любознательность грозныхъ ревизоровъ, пугающихъ насъ подчасъ, мы, всетаки, веселились на праздникахъ и повеселились, какъ говорится, всласть и чего, чего только у насъ не было,—не хуже, чѣмъ въ другомъ губернскомъ городѣ, не смотря на то, что общество наше такое маленькое, что его легко можно вывезти въ разъ на десяти телегахъ, и всѣ эти увеселенія, за исключеніемъ лишь финала, были доставлены намъ по иниціативѣ г. К., которому нельзя не засвидѣтельствовать здѣсь вполнѣ заслуженной имъ признательности за его неусыпныя заботы и старанія въ соединеніи нашего общества въ одно цѣлое, которое распадалось до этого на отдѣльные кружки, нерѣдко даже враждебные между собою; благодаря г. К., мы имѣли удовольствіе быть на многихъ семейныхъ вечерахъ въ военномъ клубѣ, на ёлкѣ, на любительскихъ спектакляхъ, да и самъ г. К. не разъ устраивалъ у себя танцовальные вечера съ разнообразными увеселительными играми. Но... „нѣтъ худа безъ добра". Послѣдній дебютъ публичныхъ увеселеній, къ сожалѣнію, далеко не сошелъ съ рукъ благополучно, а ознаменовался хотя и незначительнымъ, но довольно неприличнымъ скандальчикомъ, имѣвшимъ мѣсто въ клубномъ саду, гдѣ два чина предъ всей честной публикой, подъ оркестръ военной музыки, лихо продѣлали самую новѣйшую фигурку котильона подъ названіемъ „русскій боксъ", послѣдствіемъ которой оказались у обоихъ... окровавленныя физіономіи, такъ что въ чистый понедѣльникъ пришлось имъ, сердечнымъ, серьёзно „очищать" ихъ съ помощью эскулаповъ. Починъ въ исполненіи этого праздничнаго „колѣнца", выкинутаго среди бѣла дня, принадлежитъ не кому иному, какъ герою, знаменитому г. Z, явившемуся въ роли „интеллигентнаго сорванца". Вотъ этимъ казусомъ, случившимся какъ разъ въ послѣдній день широкой масляницы, и завершились всѣ наши праздничныя увеселенія, къ вящему удовольствію публики.

Нелишнимъ считаю отмѣтить здѣсь необычайное явленіе въ той же нашей публикѣ, которой товарищество Вольфа до того вскружило головы своими заманчивыми рекламами, что добрая половина ея имѣетъ честь состоять теперь подписчиками на журналъ „Новь", получающагося здѣсь въ количествѣ 19-ти экземпляровъ. А сколько толковъ и горячихъ споровъ было между нашими рьяными чтецами по поводу Вольфовской затѣи и съ какимъ нетерпѣніемъ ждали у насъ появленія этого журнала, въ особенности „роскошныхъ" премій, составлявшихъ притягательную силу для столькихъ подписчиковъ! Пока судили и рядили въ сладкомъ ожиданіи четырнадцатирублевой новинки, тѣмъ временемъ получилась и первая книжка пресловутаго журнала съ частицею суленыхъ гостинцевъ, въ видѣ премированныхъ акварелекъ, пригодныхъ скорѣе для бомбоньерокъ Сіу и К°, чѣмъ въ премію подписчикамъ. Но какъ бы то ни было, а товарищество Вольфа, вообще говоря, весьма удачно подмѣтило слабую струнку нашей читающей публики и ударило по ней на столько смѣло и самоувѣренно, что, по всей вѣроятности, далеко не осталось въ накладѣ со своимъ двухнедѣльнымъ дѣтищемъ.

Изъ **Семирѣченской области** (корресп. „Восточ. Обозрѣнія") Существуетъ предположеніе о соединеніи сибирскаго казачьяго войска съ семирѣченскимъ. Проектъ объ этомъ уже представленъ въ Петербургъ. И дѣйствительно послѣднее на столько малочисленно, что составлять отдѣльную единицу едва ли имѣетъ право: въ мирное время несетъ службу только одинъ полкъ; въ военное составляется еще два—наполовину изъ „слѣпыхъ и хромыхъ". Выкомандированіе на службу въ эти полки отзывается большою тягостію и упущеніями по хозяйству, въ особенности по земледѣлію, которымъ приходится заниматься женщинамъ, старикамъ и преимущественно вольнонаемнымъ туземцамъ. Говорятъ, впрочемъ, что въ Петербургѣ этотъ проектъ принятъ не совсѣмъ благосклонно.

Вѣрный (корр. „Вост. Обозр."). Извините, что настоящую корреспонденцію пишу о клопахъ. Въ вѣрненскомъ военномъ госпиталѣ развелась масса клоповъ, которые буквально съѣдаютъ больныхъ, почему областной врачъ, статскій совѣтникъ З—ндъ, обратился въ мѣстное Общество краснаго креста, съ просьбою выдать въ госпиталь, для истребленія клоповъ, персидскаго порошка. Согласно съ этой просьбой, смотрителю госпиталя, подполковнику Г—ову, Обществомъ отпущено было 10 фунтовъ этого порошка. Какъ распорядились имъ, хорошо неизвѣстно, но только по сію пору во всѣхъ палатахъ трехъ корпусовъ госпиталя, клопы не только не убавились, но съ большею силою начали терзать больныхъ. Обла-

стной врачъ сдѣлалъ, оффиціальною бумагою, запросъ подполковнику Г—ову, почему имъ не истреблены паразиты. Господинъ Г—овъ донесъ ему форменною бумагою, что всѣ клопы перебрались въ щели потолка, оттуда прошли на чердакъ, гдѣ и живутъ теперь въ насыпанной на потолокъ землѣ, и представилъ цѣлый проектъ, что клопы могутъ быть истреблены только въ такомъ случаѣ, если убрать всю землю съ потолка, а потолокъ облить карболовой кислотой, которой, по его предположенію, должно быть израсходовано на каждую квадратную сажень отъ 3-хъ до 4-хъ фунтовъ, и испрашивалъ разрѣшенія на закупку ея взять денегъ изъ отпущенной на ремонтъ госпиталя очень солидной суммы. Господинъ З—ндъ всю эту переписку препроводилъ къ военно-окружному инспектору. Прошло много времени, переписка возросла, и наконецъ-то военно-окружному инспектору пришла мысль окончить это „дѣло о клопахъ" подъ спудъ и написать частное письмо старшему врачу госпиталя Гриманову, съ просьбою, во избѣжаніе дальнѣйшей безполезной переписки, уничтожить клоповъ въ госпиталѣ, что и было сдѣлано безъ всякихъ затратъ казны въ какіе нибудь 2—3 дня.

Затѣмъ сообщаемъ также слѣдующій курьёзъ. Какъ извѣстно, въ каждой отдѣльной части въ войскахъ существуетъ своя библіотека, которая заводится, главнымъ образомъ, изъ суммы, образующейся изъ вычитаемаго извѣстнаго % изъ офицерскаго содержанія, и денегъ, отпускаемыхъ для сей цѣли изъ казны. Завѣдующій библіотекой выбирается изъ своей среды самими офицерами, а опредѣленіе, какіе именно журналы и книги должно выписать на текущій годъ, лежитъ на библіотечномъ комитетѣ, въ которомъ состоятъ, также выбранные офицерскимъ обществомъ, 2—3 офицера. Въ одномъ линейномъ баталіонѣ такимъ комитетомъ, съ общаго согласія всѣхъ офицеровъ, было положено на текущій годъ, вмѣстѣ съ прочими, продолжать подписку на газету „Восточное Обозрѣніе". Но командиръ баталіона нашелъ эту газету вредной и рекомендовалъ офицерамъ замѣнить ее газетами: „Сынъ Отечества", „Свѣтъ" или же другими, по его мнѣнію, дающими болѣе пищи для ума и сердца!! Какъ это больно должно быть газетѣ.

Кончетавъ (корресп. „Вост. Обозр."). Казаки нашей станицы вообще чрезвычайно бѣдны. Главная причина этого, по нашему мнѣнію, лежитъ въ ихъ казачьемъ положеніи, вслѣдствіе котораго они раньше, постоянно отвлекаемые службой, не могли сдѣлаться хорошими хозяевами, ремесленниками или земледѣльцами. У нихъ и до сихъ поръ, хотя теперь они и болѣе свободны отъ служебныхъ обязанностей, замѣчается лѣнь, недостатокъ предпріимчивости. Но стремленіе къ земледѣлію у нихъ несомнѣнно есть. Тутъ-то и является главнымъ препятствіемъ бѣдность. Весною прошлаго года у большой части казаковъ нечего было не только сѣять, но и ѣсть, такъ что начальство совершенно справедливо рѣшило, что необходимо прійдти на помощь. Многимъ казакамъ, какъ и мѣщанамъ, была выдана ссуда на посѣвъ (казакамъ—изъ войсковыхъ суммъ). Урожай прошлаго лѣта для нашей станицы былъ вообще удовлетворителенъ. Поэтому получившіе ссуду и посѣявшіе собрали хлѣба столько, что могли прокормиться втеченіе года, уплатить нѣкоторые долги и оставить кое что на посѣвъ. Но теперь начальство старается очень энергично взыскивать прошлогоднія ссуды. Вслѣдствіе этого должники принуждены или лишиться части необходимаго въ хозяйствѣ скота, или хлѣба, назначеннаго на посѣвъ, и, стало быть, чтобы продолжать земледѣліе, влѣзть въ какую нибудь кабалу. Несомнѣнно, что все это чрезвычайно неблагопріятно, если не гибельно, отзывается на хозяйствѣ, между тѣмъ какъ при достаточномъ вниманіи начальства къ нуждамъ населенія можно бы этого избѣгнуть. Надо только ближайшему начальству собрать поточнѣе данныя, чтобы отличить въ средѣ казаковъ овецъ отъ козлищъ (около десятка людей совершенно облѣнившихся) и ходатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, объ отсрочкѣ взысканія долга съ первыхъ. Въ войскѣ денегъ достаточно, а потому таковое ходатайство, вѣроятно, было бы уважено,—тѣмъ болѣе, что правительство очень заботится о водвореніи въ этомъ краѣ земледѣлія и среди киргизъ. Въ подобныхъ случаяхъ весьма важенъ примѣръ. Теперь кочевники видятъ лишь крайне плохое состояніе земледѣлія и ремеслъ у казаковъ. Кстати, недавно генералъ-губернаторъ разослалъ уѣзднымъ начальникамъ проектъ преобразованія киргизскихъ школъ (выработанный особой коммиссіей въ Омскѣ) для отобранія отъ уѣздныхъ начальниковъ ихъ мнѣній объ этомъ проектѣ. Нельзя, конечно, не порадоваться такому обсужденію преобразованія. Насъ, однако, безпокоитъ сомнѣніе относительно откровенности уѣздныхъ властей, не привыкшихъ подавать начальству подобныя мнѣнія. Но разъ не будетъ спроса на такую откровенность, она и не можетъ выработаться. Нужно только уѣздной администраціи, какъ ближайшей къ населенію, болѣе вникать въ нужды послѣдняго, чтобы быть наготовѣ дать практическій, неголословный, необходимый для властей совѣтъ. Не вѣрится намъ и въ проектируемую реформу. Однѣ школы не сдѣлаютъ осѣдлыми киргизовъ, если послѣдніе не будутъ видѣть значительныхъ успѣховъ земледѣлія и промышленности у окружающихъ ихъ русскихъ. Поэтому, мы думаемъ, правительство непремѣнно должно обратить серьёзное вниманіе на бытъ русскаго населенія и помочь послѣднему завести болѣе устойчивое хозяйство. Иначе не только киргизы не будутъ осѣдлыми, но и русскіе станутъ кочевниками. Прошлымъ лѣтомъ отсюда ушли сотни семей мѣщанъ и крестьянъ далѣе на югъ. Но и тамъ, говорятъ, имъ не сидится. Нельзя сказать, чтобы наша мѣстность была неблагопріятна для земледѣлія; люди богатые на это не жалуются. Масса же страдаетъ потому, что хозяйство ея слишкомъ неустойчиво, и первый неурожай раззоряетъ его въ конецъ. Здѣсь климатъ очень неровный, а мѣстность разнообразна. Поэтому въ одно лѣто богатѣйшій урожай, въ другое время все пропадаетъ; въ одно и то же лѣто—въ одномъ мѣстѣ прекрасный хлѣбъ, а рядомъ онъ пропалъ совсѣмъ.

Укрѣпленіе Петро-Александровское (корр. „Вост. Обозр."). Въ зиму настоящаго года у насъ, въ степи, стояли страшные бураны, сопровождавшіеся сильнѣйшимъ морозомъ и обильнымъ снѣгомъ. Трудно себѣ представить, что дѣлалось при такой погодѣ въ степи, между Казалинскомъ и Петро-Александровскомъ (при одномъ воспоминаніи объ этомъ кровь застываетъ), гдѣ нѣтъ на пространствѣ 400 верстъ ни одного зданія, нѣтъ ни одной хотя худой бы крыши для укрытія отъ непогоды? Стыдно признаться, что мы, русскіе, владѣемъ Хивой двѣнадцатый годъ, и ничего не сдѣлали для улучшенія путей сообщенія съ Казалинскомъ, откуда къ намъ привозится все, начиная съ писемъ и кончая чиновниками для освѣженія состава служащихъ; чрезъ эту дорогу мы только и имѣемъ связь съ административнымъ центромъ Туркестана—Ташкентомъ. На это, пожалуй, скажутъ, что виновато дурное состояніе нашихъ финансовъ. Отнюдь нѣтъ, на постройку двухъ станцій были отпущены деньги 3,000 рублей, но станціи такъ и остались не выстроенными. Лѣтъ пять тому назадъ, начальникъ Урунъ-Дарьинской ученой экспедиціи, генералъ Петрусевичъ (убитый впослѣдствіи подъ Геокъ-Тепе), окончивъ свои занятія, спѣшилъ воротиться на Кавказъ и, отправившись черезъ Казалинскъ въ самые холода и бураны, сильно познобился самъ и поморозилъ свой конвой. Тогда наше небольшое общество дружно стало роптать на плохую дорогу. Кто слѣдуетъ внялъ этому и сдѣлалъ представленіе объ отпускѣ денегъ. Генералъ-губернаторъ сдѣлалъ немедленно распоряженіе объ ассигнова-

ніи 3,000 рублей. По полученіи ассигнованія, весною произвели торги на постройку станцій. Желающіе взять постройку хотя и были, но, по неопредѣленности предъявленныхъ условій, по неимѣнію смѣтъ и чертежей, торговаться отказались, такъ торги и не состоялись. Дѣйствительно не можетъ не показаться страннымъ предлагать постройку станціи безъ чертежа и объясненія, изъ какого матеріала и какой величины должны быть постройки. Строить же хозяйственнымъ способомъ по малости отпущенной суммы не сочли выгоднымъ, другія же казенныя постройки у насъ, напримѣръ, казармы, никогда не отдаются съ торговъ, а всегда строятъ хозяйственно. Такъ мы и по настоящее время не имѣемъ на дорогѣ въ Казалинскъ ни одной станціи.

Да, что ужъ говорить про это,—мы не имѣемъ до сихъ поръ даже настоящей почты, хотя Асхабадъ, существующій всего три года, имѣетъ почтовую контору. Письма посылаютъ здѣсь черезъ управленіе воинскаго начальника, и они отвозятся до Казалинска на верблюдахъ особымъ подрядчикомъ два раза въ недѣлю. Денежная же почта отвозится въ два мѣсяца разъ особо назначаемымъ офицеромъ, ѣздящимъ туда и обратно около двухъ мѣсяцовъ. Получится ли заказное письмо, или денежный пакетъ, почтовая контора шлетъ повѣстку адресату, а чтобы получить изъ конторы, нужно дать довѣренность какому нибудь знакомому въ Казалѣ, а если нѣтъ знакомаго, то дать довѣренность командируемому съ корреспонденціей офицеру. По разсчету выходитъ, что для полученія присланнаго заказнаго письма нужно minimum два мѣсяца, а если довѣренность не застанетъ офицера въ Казалѣ, то надо ждать другаго, на что придется прикинуть мѣсяцъ съ хвостикомъ, и въ концѣ концовъ, прежде чѣмъ получить письмо, пройдетъ въ худшемъ случаѣ 3—4 мѣсяца. Вотъ и ведите дѣла съ внѣшнимъ міромъ. Однимъ словомъ съ начала 1877 года у насъ улучшеній никакихъ не послѣдовало, за исключеніемъ развѣ только нѣсколькихъ новыхъ колодцевъ по казалинской дорогѣ. Ну, да и за то спасибо.

НОВОЕ ПОЖЕРТВОВАНІЕ.

Въ прошломъ нумерѣ мы посвятили статью вопросу о золотопромышленныхъ рабочихъ и необходимости попеченія участи пострадавшихъ, хилыхъ и потерявшихъ силы на пріискахъ. Мы указали, что пора составить общество съ указанными цѣлями и сослались на нѣкоторыя сдѣланныя намъ заявленія. Нынѣ мы уполномочены заявить: что, сочувствуя основанію подобнаго общества обезпеченія золотопромышленныхъ рабочихъ и улучшенія ихъ участи, принявъ во вниманіе всю пользу этого дѣла, Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ, въ случаѣ основанія этого общества въ Восточной Сибири предлагаетъ въ распоряженіе его вкладъ въ 5,000 руб., съ условіемъ, если выработанный уставъ его будетъ соотвѣтствовать указанной цѣли и заслужитъ его сочувствіе и одобреніе, на случай чего основываемое общество, вѣроятно, не преминетъ снестись съ жертвователемъ.

Желая успѣха и осуществленія этого дѣла, къ которому, вѣроятно, отнесется сочувственно мѣстная иркутская печать, мы можемъ нашимъ землякамъ только пожелать такого же счастливаго выполненія всего, что служитъ на пользу родины, какъ и подобнаго настоящему одновременнаго осуществленія „слова“ и „дѣла“.

Заинтересованные коллекціями для Сибирскаго университета, мы получили свѣдѣнія, что ему готовится для пожертвованія „богатая нумизматическая коллекція“ отъ лица, долго служившаго въ Сибири и посвятившаго труды свои наукѣ.

СИБИРЯКИ НА ПОХОРОНАХЪ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Въ числѣ длиннаго кортежа и загробнаго шествія съ многочисленными депутаціями, при гробѣ Н. И. Костомарова находилась и сибирская депутація, явившаяся отдать долгъ великому историку и честному областному труженику. Депутація эта состояла изъ сибиряковъ всѣхъ возростовъ, въ средѣ ихъ была, какъ всегда, учащаяся молодежь, при вѣнкѣ находилась и депутація отъ „Восточнаго Обозрѣнія“.

Сибирскій вѣнокъ состоялъ изъ лавровъ, перемѣшанныхъ съ хвоями, въ срединѣ была надпись изъ бѣлыхъ иммортелей: „*Н. И. Костомарову отъ сибиряковъ*“, на верху красовался другой вѣнокъ, фарфоровый изъ чайныхъ розъ, на бархатномъ щитикѣ съ серебряной надписью.

Мы соединились въ одну семью съ нашими земляками въ этомъ чествованіи, вѣнокъ былъ положенъ такимъ образомъ отъ лица всѣхъ сибиряковъ, уважающихъ память замѣчательнаго патріота. За гробомъ шли наши юноши, наша надежда, проникнутые глубокимъ чувствомъ почтенія и благоговѣнія, учащіяся сибирячки въ траурѣ также пристали къ процессіи и несли вѣнокъ. Большихъ усилій стоило охранить его на кладбищѣ: вѣнки обыкновенно разрываются публикой, фарфоровый вѣнокъ былъ переданъ на память распорядителямъ-украинцамъ.

Наша сибирская депутація была между вѣнкомъ харьковцевъ и вѣнкомъ украинскихъ друзей, такимъ образомъ Сибирь находилась въ братскомъ и дружескомъ сосѣдствѣ. Чувства наши также согласовались на этой дорогой могилѣ. Пусть наши сѣверные цвѣты смѣшаются съ южными цвѣтами Украйны, какъ слилась наша скорбь.

Тамъ, въ далекой Сибири, есть сыны Украйны, которые почувствуютъ близкую имъ потерю, мы передали отъ насъ и отъ нихъ свой поцѣлуй великому праху, свое сердечное „прости“!

Оставивъ эту свѣже-засыпанную могилу, сибиряки не могли не вспомнить недавней могилы, имъ родной, на томъ же кладбищѣ. Нѣсколько человѣкъ отправилось, на могилу Иннокентія Васильевича Омулевскаго, молодежь вспомнила поэта. Маленькой сиротской семьей посидѣли они около скромной насыпи, сохранившей еще вѣнки. Поговорили о памятникѣ, на который уже есть сумма, ждется присылка еще изъ Сибири. Это воспоминаніе закончило тризну на Волковомъ кладбищѣ.

НѢСКОЛЬКО ВЕРСТЪ ПО ЮЖНО-УССУРІЙСКОМУ КРАЮ.

Спеціальность моей службы заключалась въ разъѣздахъ; для нихъ я собственно и бросилъ даже Петербургъ, въ туманной атмосферѣ котораго мнѣ дышется всего лучше, вѣроятно, въ силу того же, почему навозный жукъ избираетъ себѣ жилищемъ такія мѣста, которыхъ всѣ избѣгаютъ, въ силу привычки и свойствъ натуры. Но ѣздить мнѣ, тѣмъ не менѣе, не приходилось, а почему—это составляло тайну моего начальства, которое усадило меня за скучную переписку, а разъѣзжать принялось само. Итакъ я сидѣлъ и переписывалъ, вздыхая о томъ времени, когда я писалъ, а другіе переписывали. Вотъ почему я необычайно обрадовался, когда мой домохозяинъ—купецъ предложилъ мнѣ прокатиться изъ Владивостока въ село Никольское, одно изъ лучшихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края. Уложить чемоданъ и захватить ружье было дѣломъ пяти минутъ.

— А вы бы форменную фуражку надѣли,—посовѣтовалъ мой спутникъ, увидавъ, что я украсилъ свою голову легонькой сингапурской шапочкой.

— Для чего?

— Да въ нашихъ краяхъ, знаете, кокарда никогда не мѣшаетъ...

Перемѣнилъ шапочку на оффиціальную фуражку и полѣзъ въ почтовую таратайку. Ямщикъ нѣсколько разъ все на меня оборачивался и, наконецъ, когда мы выѣхали за городъ, заговорилъ: „а вѣдь я, ваше благородіе, вашу милость знаю".

— Откуда?

— А вы съ нами на „Костромѣ" шли.

— Такъ ты что же не въ деревнѣ?—Я понялъ изъ разговора, что ямщикъ былъ переселенецъ изъ Черниговской губерніи, привезенный на казенный счетъ.

— А я круглый сирота—меня только для того и къ семьѣ приписали, чтобы пособіе получить.

Мы то поднимались въ гору, то опускались въ лощины, миновали пивной заводъ—первое промышленное предпріятіе русскихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Слѣва и справа тянулась тайга. Любуясь на столѣтніе дубы, липы и клены, на сирень и дикій шиповникъ, перепутанные мелкимъ амурскимъ виноградомъ, изъ котораго варятъ варенье, похожее вкусомъ на черничное, я думалъ про себя: такъ вотъ она, тайга, которую я представлялъ себѣ такой страшной и непривѣтливой, да вѣдь она смотритъ совсѣмъ веселой и такъ и тянетъ извѣдать, что таится въ этой густой зелени, которую мы привыкли встрѣчать въ садахъ и паркахъ. И тянется эта тайга на десятки, сотни верстъ, скрывая въ своей чащѣ граціозную дикую козу и свирѣпаго тигра, пошаливающаго въ здѣшнемъ краѣ вмѣсто волковъ Европейской Россіи. Гигантскіе пауки растянули свои нити между телеграфною проволокою, черныя бабочки и стаи оводовъ носятся около нашей телеги. Изъ тайги такъ и тянетъ ароматомъ, съ которымъ не сравнятся никакія эссенціи, которыми пропитываютъ себя петербургскія барыни, пустыя, безсердечныя, но подъ часъ не менѣе очаровательныя, чѣмъ эта дикая величественная тайга.

Солнце какъ-то необыкновенно быстро стало тонуть за деревьями, не смотря на то, что пахнуло свѣжимъ морскимъ вѣтромъ, откуда-то появились милліарды комаровъ. Они усѣяли мою фуражку и охотничьи сапоги, летѣли въ уши и носъ и не выказывали ни малѣйшаго страха къ дыму манильской сигары, которой угостилъ меня мой спутникъ. За то и гибли же они за свою дерзость: мы то и дѣло хлопали себя ладонями по щекамъ и уничтожали десятками комаровъ. День смѣнился ночью съ тою быстротою, которая меня всегда такъ поражала въ тропикахъ. Путь нашъ оказался забаррикадированнымъ какимъ-то ремонтомъ дороги и пришлось сворачивать по узкой дорожкѣ въ тайгу, а затѣмъ ѣхать по водѣ залива. Признаться, я немного струхнулъ, когда мы стали перебираться по бару какой-то рѣченки: перспектива искупаться во всемъ одѣяніи была не особенно привлекательна. Комары становились все назойливѣе, когда мы, наконецъ, остановились около станціи. Лошадей, конечно, не оказалось, писарь только по знакомству съ моимъ спутникомъ обѣщалъ дать ихъ черезъ часъ.

— Только для васъ,—говорилъ онъ, вводя насъ въ душную и смрадную станціонную избу:—а другимъ бы и до разсвѣта не далъ лошадей.

Пока ставили самоваръ, писарь со мной разговорился: онъ оказался изъ отставныхъ солдатъ, служилъ долго въ Финляндіи и ужасно обрадовался, узнавъ, что я былъ въ Гельсингфорсѣ и въ Выборгской губерніи.

— Тамъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ здѣсь,—вспоминалъ онъ мѣсто своего прежняго служенія:—а здѣсь что—дичь и больше ничего.

Дѣйствительно на станціи была „дичь": потолокъ и стѣны закоптѣли, ползали тараканы и стоялъ тотъ кислый запахъ, смѣшанный съ амміакомъ, который свойственъ дѣтскимъ пеленкамъ; самоваръ заржавѣлъ, стаканы привели бы въ ужасъ петербуржца. Мнѣ вспомнилась гостинница въ селѣ Райвола, съ бѣлоснѣжными скатертями и салфетками, съ блестѣвшимъ самоваромъ и краснощекой чухонкой въ передничкѣ. Да, тамъ была цивилизація, а здѣсь „дичь", хотя тамъ и нѣтъ такого чернозема, нѣтъ тѣхъ богатствъ, которыми одѣлила природа Южно-Уссурійскій край.

Подали лошадей. Опять потянулась тайга, опять пошли горы и ложбины, опять закусали комары и началась наша съ ними борьба. Таратайка летѣла чисто посибирски: въ Россіи такъ не возятъ, а если и возятъ, то развѣ важныхъ чиновниковъ. На выбоинахъ и при спускѣ съ мостиковъ насъ такъ подбрасывало, что я не разъ рисковалъ совершить невольный полетъ въ канаву. Кругомъ царила непробудная тишина, только въ ложбинахъ квакали лягушки, да нашъ колокольчикъ нарушалъ покой уснувшей тайги. На слѣдующей станціи намъ дали кибитку, и я, закутавшись съ головою въ пледъ, попытался заснуть, но, увы и ахъ, кибитка ежеминутно прыгала, а съ нею вмѣстѣ прыгали мой чемоданъ и ящикъ съ ружьемъ, а я получалъ самые жестокіе удары то въ голову, то въ бокъ.

— Покурите-ка лучше сигарку,—уговаривалъ меня спутникъ.

И дѣйствительно на этой дорогѣ, съѣвшей вмѣстѣ съ инженерами цѣлую уйму казенныхъ денегъ и намѣревающейся поглотить еще столько же, было гораздо удобнѣе курить, чѣмъ спать.

— Ну, что по нашимъ-то дорогамъ не то, что по желѣзнымъ кататься?—подтрунивалъ мой спутникъ:—да, ба-

тюшка, покатайтесь-ка по здѣшнему краю, такъ и не то еще испробуете. Это еще благодать, а какъ вотъ верстъ двѣсти по вьючному пути верхомъ сдѣлаешь, такъ вотъ Америку-то нашу дѣйствительно познаешь.

— Да, но вѣдь за то вьючный путь казнѣ ничего не стоитъ.

— Э, гдѣ только здѣсь денежки казны-матушки не пропадаютъ: на то здѣсь и окраина, чтобы денежки государственныя плакали.

Замелькали огоньки поста Раздольнаго, забѣлѣли солдатскія палатки, залаяли собаки.

— Лошадей до утра не будетъ,—объявилъ лаконически староста:—двѣ тройки приказано для генерала оставить, а третью для хозяина—телеграмму получили.

Пришлось ночевать и за неимѣніемъ дивана устроиваться на голыхъ доскахъ кровати, да и ту мнѣ уступилъ писарь лишь изъ уваженія къ моей кокардѣ. Выспаться мнѣ порядкомъ, однако, не дали: то кусали клопы, то кричали и ругались гдѣ-то подъ окномъ ямщики, то харахорился какой-то телеграфистъ, и лишь разсвѣло, я оставилъ всякія надежды на отдыхъ. Въ сосѣдней комнатѣ засѣдали давешній телеграфистъ и мой спутникъ. Телеграфистъ пилъ въ перемѣшку съ водкой чай, спутникъ понюхивалъ неизмѣнную „маниллу". Пахло черемшой—вѣрный признакъ недавняго пребыванія китайцевъ. Я пошелъ въ поле, трава котораго положительно бѣлѣла отъ росы. Ноги вязли въ рыхлой почвѣ, образовавшейся отъ прежнихъ поколѣній травы. Здѣсь косятъ только на низменныхъ лугахъ, а на горахъ предоставляютъ травѣ гнить, пока ея не выжгутъ такъ называемымъ паломъ, истребляющимъ ежегодно чудные вѣковые лѣса. Вдоволь надышавшись полевымъ душистымъ воздухомъ и выпачкавъ до невѣроятія сапоги, я вернулся на станцію и принялся отъ нечего дѣлать за чтеніе книги жалобъ. Какихъ только воплей тутъ не было: землемѣръ повѣствовалъ о томъ, какъ всю его семью чуть не утопили въ рѣкѣ Суйфунѣ; армейскій прапорщикъ жаловался на то, что его продержали сутки на станціи. Очевидно, между проѣзжающими много любителей литературы и они занимались отъ нечего дѣлать описаніемъ своихъ приключеній, такъ какъ начальство никакихъ резолюцій на ихъ жалобы не кладетъ.

Проѣхалъ и генералъ, вернулись двѣ тройки, пріѣхалъ какой-то китаецъ, жирный, лоснящійся и пахнущій чеснокомъ, телеграфистъ разсказывалъ десятую исторію объ избіеніяхъ станціонныхъ писарей и осушилъ цѣлую бутылку водки, а мы все сидѣли. Наконецъ, намъ заложили.

Мѣстность измѣнилась: вмѣсто тайги потянулась степь, а слѣва извивалась причудливыми зигзагами рѣка Суйфунъ, которая, какъ говорятъ, могла бы быть судоходна, если бы ее кое-гдѣ попрочистить. Попалась на пути и китайская фанза съ обработаннымъ, какъ огородъ, полемъ, то тамъ, то здѣсь встрѣчались корейцы въ бѣлыхъ курткахъ и широкихъ шароварахъ, съ повязанными на головахъ тряпицами и длинными трубками въ зубахъ.

— Это что за деревня?—спросилъ я, увидавъ нѣсколько почернѣвшихъ крытыхъ соломою срубовъ, разбросанныхъ на берегу рѣки.

— А это прошлогодніе переселенцы.

Я сообразилъ, что это должна была быть Городечня, деревушка, оставшаяся безъ скота, вслѣдствіе того, что для нея закупили гуртъ въ Кореѣ, который и подохъ, не дойдя до мѣста назначенія. Бѣдно и неприглядно выглядѣла она, хотя въ годъ и можно было пообстроиться, особенно въ виду того, что на противоположномъ берегу росъ отличный строевой лѣсъ. Мнѣ вспомнились тѣ дряблые, изможденные голодовками, оборванные казеннокоштные переселенцы, съ которыми я ѣхалъ на „Костромѣ". Глядя на нихъ, и пассажиры, и офицеры высказывали сомнѣніе о ихъ пригодности для края, гдѣ нужна желѣзная энергія, тяжелый трудъ и особая смѣтка для борьбы съ непривычными климатическими условіями, хотя въ проектахъ и выходило, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и житель Полтавской губерніи, и поморъ найдутъ привычныя для себя климатическія условія. Не въ однихъ, впрочемъ, проектахъ шло все, какъ по маслу, но и въ отчетахъ, которыми мнѣ хвастались въ Петербургѣ, было полнѣйшее процвѣтаніе. Только въ дѣйствительности оказывались какіе-то срубы эпохи свайныхъ построекъ, усиленная смертность дѣтей, затопленные посѣвы да погибшіе огородные всходы.

Промелькнула станція Барановская, гдѣ насъ продержали опять полъ-дня,—корейцы, заливавшіе дорожныя промоины жидкою грязью, сгнившіе мосты, и стало видно Никольское. Это одно изъ первыхъ здѣшнихъ поселеній, основанное вольными поселенцами, шедшими чрезъ Сибирь. Надъ ними не было чиновничьей опеки, ихъ выжили въ 1868 году хунхузы, но, тѣмъ не менѣе, энергія взяла свое, и теперь село смахиваетъ на небольшой городокъ: широкія улицы, чистенькіе домики, лавки, гдѣ есть даже блонды и кружева, трактиры. Народъ рослый, сильный и пышащій здоровьемъ. Мой спутникъ мнѣ объяснилъ, что тутъ есть крестьяне, которые въ годъ проживаютъ однѣми наличными деньгами до полуторы тысячи.

Путешествіе кончилось.

М. Греб—ковъ.

РУССКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗІЯ.

(Изъ писемъ Генри Ланеделля).

Сыръ-Дарьинская и Аму-Дарьинская области.

Пути сообщенія въ областяхъ.—Составъ, количество и плотность народонаселенія русскаго Туркестана.—Пространство, населеніе и города Аму-Дарьинской области.—Подати, взимаемыя съ населенія Аму-Дарьинской области.—Ауліе-ата.—Количество скота въ русскомъ Туркестанѣ.—Развитіе городской жизни.

Площадь Сыръ-Дарьинской области такъ же велика, какъ и площадь Испаніи, но количество пахатныхъ земель здѣсь составляетъ меньше чѣмъ 1% всего количества земли. Кромѣ того, рѣки этой области имѣютъ очень много интересныхъ особенностей въ ихъ направленіи, берегахъ и быстротѣ теченія. Нѣтъ ни одной изъ нихъ удобныхъ для судоходства; всѣ онѣ между собою перекрещиваются и торговые пути проходятъ по ихъ берегамъ. Съ 1847 года русскіе пытались устроить судоходство по рѣкамъ Сыръ и Аму-Дарьѣ, но не успѣли въ этомъ, да и весьма сомнительно, будутъ ли эти водные пути когда нибудь полезны для торговли. Пути же въ этой области двухъ родовъ: караванные и колесные. Первые существуютъ издревле, послѣдніе устроены русскими.

Почтовый путь, начинаясь отъ Оренбурга, въ сѣверо-западномъ углу этой губерніи, проходитъ на юго-востокъ до Чимкента и здѣсь раздѣляется такимъ образомъ, что одна дорога направляется въ Семирѣченскую область, а другая идетъ къ Ташкенту и Самарканду. Общее протяженіе этого пути составляетъ около 1500 миль и, на сколько я помню, онъ повсюду сопровождается телеграфомъ (1882 г.). Населеніе Сыръ-Дарьинской области въ частности и всего русскаго Туркестана вообще очень разнообразно, но можетъ быть классифицировано между двумя расами, кавказской и монгольской. Кавказская раса подраздѣляется на двѣ вѣтви: на арійскую и семитическую и, кромѣ того, къ ней же принадлежатъ иранцы, которые дѣлятся на 1) иранцевъ верхняго Оксуса (Аму-Дарья), называемыхъ таджиками и происшедшихъ отъ первобытныхъ жителей Бактріи, Трансъ-Океаніи и Согдіаны, и 2) на собственно иранцевъ, т. е. персіане, афганцы, индусы и цыгане. Монгольская раса, въ свою очередь, дѣлится тоже на двѣ вѣтви—на народъ тюрко-татарскаго племени, живущій на Алтаѣ, и на собственно Монголовъ. Къ первому принадлежатъ: казаки (киргизы), кара-киргизы, узбеки, кара-калпаки, кипчаки, тюркмены и татары; ко второму — принадлежатъ калмыки, китайцы, сибо и солоны. Кромѣ того, здѣсь живутъ еще народы смѣшаннаго происхожденія, каковы сарты, таранчи, кураминцы и дунгане, но всеже у всѣхъ у нихъ преобладающимъ является тюрко-татарское вліяніе. Самые многочисленные изъ всѣхъ— казаки (киргизы) и киргизы (кара-киргизы), сартовъ же нѣсколько меньше. Гражданское русское населеніе составляетъ не болѣе 1% всего русскаго населенія Туркестана, но въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ оно достигаетъ отъ 7% до 8%. Если же народонаселеніе русскаго Туркестана распредѣлить по вѣроисповѣданіямъ, то большинство окажется мухамеданъ, потомъ христіанъ, изъ коихъ 57,000 православныхъ, 2,000 католиковъ и 1,000 протестантовъ; язычниковъ 50,000, евреевъ 3,000. Замѣчательна въ населеніи та особенность, что какъ между туземцами, такъ и между русскими мужской полъ преобладаетъ численностью надъ женскимъ, тогда какъ въ Европѣ число женщинъ относится къ числу мужчинъ, какъ 3 къ 2. Притомъ, приростъ населенія въ русскомъ Туркестанѣ превышаетъ на $^2/_3$ приростъ народонаселенія въ Европейской Россіи, гдѣ онъ равенъ всего 1%. Кажется, этотъ фактъ подтверждаетъ ту теорію, что чѣмъ цивилизованнѣе становится нація, тѣмъ число рожденій дѣлается меньше. Присоединеніе новыхъ владѣній къ Центральной Азіи, колонизація ихъ русскими и туземцами сосѣднихъ ханствъ, впродолженіе 11 лѣтъ русскаго владычества, т. е. съ 1867 по 1877 годъ, увеличили здѣсь народонаселеніе втрое.

Въ связи съ этимъ достойно примѣчанія то, что отношеніе осѣдлыхъ народовъ къ кочевникамъ сдѣлалось обратнымъ, ибо въ то время, какъ въ 1867 году количество кочевниковъ простиралось отъ 70 до 80%, въ 1877 году оно понизилось до 53% всего народонаселенія. Средняя густота народонаселенія по всему русскому Туркестану 7 человѣкъ на квадратную милю, но въ долинахъ Ферганы и Заревшана густота населенія достигаетъ до 26 и до 34 человѣкъ на квадратную милю. Конечно, населеніе гуще тамъ, гдѣ воды въ изобиліи, но только мало такихъ мѣстъ, какъ долины рѣкъ Арыса, Таласа и Чу, которыя прекрасно могутъ прокормить даже и большее количество кочевниковъ и осѣдлыхъ жителей, чѣмъ ихъ живетъ тамъ въ настоящее время. Число жителей по городамъ простирается до 373,000, а внѣ городовъ 1.247,000 осѣдлыхъ и 1.417.000 кочевниковъ, или, если взять дѣйствительныи отношенія между народонаселеніемъ всего Туркестанскаго края, то на каждую 1000 жителей мы получимъ 123 горожанина, 410 осѣдлыхъ внѣ—городскихъ жителей и 467 кочевниковъ. Изъ 38 городовъ русскаго Туркестана (заключающихъ въ себѣ 74,000 жилищъ) Ташкентъ имѣетъ около 80,000 населенія; пять другихъ городовъ имѣютъ болѣе, чѣмъ по 20,000 жителей, четыре города около 10,000 каждый, пять городовъ по 5,000, четыре по 3,000, два по 2,000 и пять городовъ по 1,000; притомъ количество деревень по всей странѣ, на сколько извѣстно, простирается до 3,170.

Аму-Дарьинская область была присоединена русскими послѣ хивинской экспедиціи въ 1873 году. Она граничитъ на югѣ съ Бухарою, на западѣ съ рѣкой Аму-Дарьей и частью Аральскаго озера, съ сѣвера же и востока—съ Сыръ-Дарьинской областью. По величинѣ она почти равна Португаліи, но болѣе чѣмъ 84% всей ея поверхности составляютъ пустыню и образуютъ часть Кизилъ-Кумской степи; 15% заняты кочевниками, а обработывается едва ли $^1/_2$% всего количества земли.

Народонаселеніе этой области достигаетъ круглымъ счетомъ до 150,000 душъ и состоитъ изъ кара-калпаковъ, узбековъ, киргизовъ, туркменовъ, таджиковъ, отпущенныхъ на волю персидскихъ рабовъ (181 семейство) и русскихъ войскъ; узбеки и таджики осѣдлы, киргизы кочевники. Кара-калпаки, или „черныя шапки", составляютъ почти половину населенія всей области и въ нижней части Аму-Дарьи образовали огромную общину, въ которую вошло около 20 различныхъ родовъ; они обработываютъ землю на правахъ общиннаго землевладѣнія. Вся область, ради административныхъ соображеній, раздѣляется на двѣ части—на Шураханъ и Чимбай; самыми населенными пунктами считаются фортъ Петро-Александровскъ, Нукусъ, Шураханъ (главный туземный городъ) и Чимбай, въ дельтѣ, образуемой рѣкою Аму-Дарьей. Я узналъ, что за три послѣдніе года земледѣліе между туземцами сильно увеличилось (въ Чимбаѣ болѣе чѣмъ на 50%); это показываетъ, что усиліе русской администраціи не остается безслѣднымъ среди туземцевъ, которыхъ она оберегаетъ отъ грабежей и облагаетъ умѣренными налогами. Кромѣ того, въ 1881 году, т. е. за годъ до моего пріѣзда сюда, въ Аму-Дарьинскомъ уѣздѣ былъ отличный урожай, жители оправились, и это, во-первыхъ, дало имъ возможность легко уплатить недоимки податей, а во-вторыхъ, уменьшило обращеніе монеты, что, въ свою очередь, послужило къ скопленію богатства народа. Такъ какъ ни одинъ англійскій авторъ, на сколько я знаю, не имѣлъ возможности воспользоваться тѣми статистическими данными, которыя удалось получить мнѣ, то, конечно, слѣдующія мои слова будутъ весьма интересными: въ первый годъ (1874) русскіе получили съ налоговъ до 12,385 ф. ст. (принимая круглымъ счетомъ 1 рубль за 2 шиллинга). Эта цифра налоговъ получалась съ 20,948 кибитокъ (юртъ), съ 6,736 землевладѣльцевъ (изъ которыхъ каждый владѣетъ не менѣе чѣмъ 50 акрами земли) и съ 45,000 акровъ земли, обложенныхъ самымъ умѣреннымъ налогомъ за обработываемую землю, по 1 шиллингу 4 пенни за акръ. Кромѣ только что упомянутыхъ

государственныхъ налоговъ, съ населенія Аму-Дарьинской области, какъ это дѣлается и въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана, берутся обязательные земскіе сборы какъ деньгами, такъ и натурою, въ количествѣ 2 шиллинговъ 6 пенни съ души, и эти деньги поступаютъ на содержаніе администраціи края. Другой же налогъ, по 2 ш. 3 п. съ души, идетъ на покрытіе издержекъ по оспопрививанію, на народныя школы и т. п. Такимъ образомъ, общій доходъ съ этой области въ 1880 году достигъ до 20,662 ф. ст.

По выѣздѣ моемъ изъ Вѣрнаго, я доѣхалъ до Сыръ-Дарьинской области въ ночь на 12-го сентября; 14-го сентября утромъ пріѣхалъ въ Ауліе-ата. Это историческое мѣсто было извѣстно еще средне-вѣковымъ путешественникамъ по Центральной Азіи; оно до сихъ поръ обладаетъ гробницею мѣстнаго киргизскаго святаго, который, какъ говорятъ, похороненъ 800 лѣтъ тому назадъ. По выѣздѣ на Ауліе-ата, передъ нами открылся путь длиною около 200 миль, въ юго-западномъ направленіи къ Ташкенту. Дорога вела по невысокимъ горамъ Тянь-Шаня, который въ этомъ мѣстѣ образуетъ водораздѣлъ, направляя въ одну сторону рѣку Таласъ, въ другую—Яксартъ. Когда мы приблизились къ холмамъ, мы увидѣли многочисленныя мѣста, огороженныя высокими глиняными стѣнами, отлично приспособленныя для загона скота. Въ отношеніи скотоводства Ауліе-атинскій уѣздъ самый богатый въ области; домашній скотъ оцѣнивается здѣсь въ 608,000 ф. ст. Конечно, это только частица стоимости всего скота русскаго Туркестана. Стоимость скота опредѣляется здѣсь почти въ 10,000,000 ф. ст., причемъ число скота выражается слѣдующими числами: верблюдовъ 390,000, лошадей 1,600,000, рогатаго скота 1,160,000 и 11,350,000 овецъ.

Постепенно нашъ путь дошелъ до верхняго теченія рѣки Арыса, и на слѣдующее утро мы достигли до Чимкента. Со времени занятія русскими этой области, количество домовъ въ ней увеличилось на 116%; но въ Ауліе-атинскомъ уѣздѣ, который мы только что проѣхали, этотъ приростъ превышаетъ 156%. Городъ Чимкентъ построенъ при соединеніи двухъ путей изъ Оренбурга и Семирѣчья. Разстояніе его отъ Петербурга по первому пути 2,600 миль, а по дорогѣ, по которой ѣхалъ я,—4720 миль.

ВСЕ ЗА ПРАВДУ.

Омскій городской голова, Э. Эзетъ, прислалъ намъ опроверженіе на одну омскую корреспонденцію и, поддерживая свое требованіе ст. 44 устава цензурнаго (это крѣпче простой просьбы), обязываетъ насъ напечатать это опроверженіе. Такъ какъ корреспонденція касалась вовсе не городскаго головы г. Эзета и не омскихъ гласныхъ, а частной аптеки, то мы недоумѣваемъ, почему именно городскому головѣ вздумалось ограждать г. Р. и доказывать, что онъ не содержитъ двухъ аптекъ, а содержала другую аптеку его мать, а теперь эта аптека будетъ принадлежать наслѣдникамъ. Обыкновенно пишетъ опроверженія сторона обиженная.

Мы недоумѣваемъ также, почему мы должны вѣрить только г. Эзету и омскимъ гласнымъ, свидѣтельствующимъ о добродѣтеляхъ г. Розенплентера, вѣдь омское общество состоитъ не изъ однихъ гласныхъ, могутъ найдтись и другія мнѣнія. Далѣе, самое слово „монополистъ", употребленное для лица, который одинъ снабжаетъ городъ своими товарами, мы не можемъ признать какъ оскорбленіе, затѣмъ мы могли совершенно отказаться отъ печатанія опроверженія на основаніи употребленныхъ выраженій о корреспондентѣ, гдѣ есть явное оскорбленіе. И, тѣмъ не менѣе, нимало не смущаясь, мы печатаемъ письмо г. Эзета, надѣясь, что правда выяснится сама собою. Пусть г. Эзетъ увѣрится, что мы дѣйствительно стоимъ за безпристрастіе и правду, только не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ словомъ.

Вотъ что сообщаетъ г. Эзетъ:

«Въ редакцію «Восточнаго Обозрѣнія».

«Омскъ. Правда прежде всего!—вотъ девизъ, держаться котораго «Восточное Обозрѣніе» приняло за правило и заявило охотно давать мѣсто разъясненію всякаго невѣрнаго извѣстія. Руководствуясь этимъ, я, по порученію представителей омскаго городскаго общества, гг. гласныхъ городской думы, имѣю заявить редакціи «Восточнаго Обозрѣнія», что въ №№ его 51 и 52, за прошлый 1884 годъ, корреспонденція изъ Омска о монополіи аптекаря Ф. А. Р. сообщена невѣрно, во-первыхъ, потому, что что Ф. А. Р. не содержалъ двухъ аптекъ въ городѣ, а только одну, другую содержала вдова Розенплентеръ, его мать, скончавшаяся въ октябрѣ прошлаго года. Въ настоящее время эта аптека принадлежитъ наслѣдникамъ покойной, и кому она будетъ принадлежать впослѣдствіи, еще неизвѣстно. Смерть матери Р., вѣроятно, и послужила поводомъ комментаріямъ корреспондента, но никоимъ образомъ не давала ему права къ названію Р. монополистомъ, которымъ Р., живя въ Омскѣ почти 25 лѣтъ, не былъ, а, напротивъ, всегда заслуживалъ уваженіе общества за его отпускъ лекарствъ аккуратно по таксѣ, утвержденной для аптекъ и очень часто ниже таксы, а всегда ниже таксы производится отпускъ изъ его магазина аптекарскихъ товаровъ, съ открытіемъ котораго онъ самъ себѣ создалъ конкурента. Намъ остается только пожелать, чтобы нашлось много такихъ благоустроенныхъ аптекъ не только въ Сибири, но и въ Россіи. Дѣйствительно ли Ф. А. Р. заслужилъ уваженіе общества, то сему служитъ доказательствомъ то, что онъ состоитъ четвертое четырехлѣтіе гласнымъ городской думы, а болѣе 8-ми лѣтъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта омской женской прогимназіи и, кромѣ того, еще занимаетъ шесть должностей по выборамъ. Монополистовъ же и эксплоататоровъ общественное вниманіе не чествуетъ, да и общество, какъ извѣстно и г. редактору «Восточнаго Обозрѣнія», проживавшему дважды въ Омскѣ, не позволитъ обирать себя ни уважаемому до сихъ поръ г. Р. и никому другому. Слѣдовательно называть, ради краснаго слова, монополистомъ человѣка, уважаемаго обществомъ, оскорбительно, неприлично и не дѣлаетъ чести корреспонденту. Во-вторыхъ, корреспондентъ, исторіей доктора Б—на заходитъ далѣе, говоря, будто бы докторъ Б—нъ, съ документами въ рукахъ, уличалъ Р. въ томъ, что онъ беретъ вдвое выше аптекарской таксы. Этого не бывало, это ложь, и какъ люди, не зная основательно факта, рѣшаются бросать небывалою грязью *) въ человѣка и тѣмъ самымъ помрачать его честь и доброе имя.

«На самомъ дѣлѣ было слѣдующее. Докторъ Б—нъ позволилъ себѣ сказать въ одномъ домѣ, что лекарство оцѣнено неправильно, по его мнѣнію, дороже таксы. За такую клевету Р. подалъ жалобу на доктора Б—на, и на судъ не докторъ Б—нъ явился съ документами въ рукахъ, а, напротивъ, Р., и докторъ Б—нъ по рѣшенію сарысуйскаго уѣзднаго судьи, состоявшемуся 16-го декабря 1876 года, былъ наказанъ за таковой поступокъ трехдневнымъ арестомъ на гауптвахтѣ. Какъ смотрѣлъ на поступокъ доктора Б—на военно-медицинскій инспекторъ, видно изъ письма его: «Докторъ Б—нъ въ данномъ случаѣ заявилъ

*) Выраженіе, часто употребляемое въ жалобахъ, но неумѣстное и весьма плохо рекомендующее отношеніе гг. возражателей къ печати. *Ред.*

себя съ весьма дурной стороны, и поступокъ его не приноситъ чести порядочному врачу».

«Еще ранѣе, въ 1871 году, тотъ же докторъ Б—нъ прописалъ для своей жены спермацетную мазь, и Р. приготовилъ ее на миндальномъ маслѣ, это доктору Б—ну не понравилось, онъ желалъ прованское масло, чтобы мазь вышла дешевле.

«Тутъ дѣйствительно бывшій въ то время военно-медицинскій инспекторъ Г—скій передалъ изъ своего кармана областному врачу К. составляющую разницу въ цѣнахъ этихъ мазей, 23 копѣйки, для передачи доктору Б—ну, прибавляя при этомъ: передайте эти деньги доктору Б—ну, который не можетъ понимать, что сюртукъ на шелковой подкладкѣ долженъ быть дороже, чѣмъ на шерстяной. Какимъ образомъ областной врачъ К. передалъ эти деньги, или изъ рукъ въ руки, или при бумагѣ, это неизвѣстно, а извѣстно мнѣ, что съ Р. никогда никакого взысканія не было. Наконецъ, въ концѣ концовъ озлобленіе корреспондента къ Р. доходитъ до того, что онъ въ сообщеніи своемъ нападаетъ на семейный очагъ г-на Р., на что честный человѣкъ не позволитъ себѣ посягнуть. Справедливо ли, или несправедливо послѣднее посягательство корреспондента, не буду опровергать, такъ какъ считаю лишнимъ, потому что со стороны кого слѣдуетъ, какъ мнѣ извѣстно, уже послано опроверженіе, для помѣщенія въ уважаемой нами газетѣ «Восточное Обозрѣніе» г. редактору, котораго покорнѣйше прошу не оставить и настоящее опроверженіе также помѣстить на страницахъ «Восточнаго Обозрѣнія». Засвидѣтельствованныя копіи съ фактовъ, на которыхъ основано настоящее опроверженіе, при семъ прилагаются.

Городской голова Э. Эзетъ».

При этомъ приложено рѣшеніе сарысуйскаго мироваго судьи и заявленіе военно-медицинскаго инспектора Соколова, написанное къ аптекарю и содержателю склада о томъ, что докторъ Бѣлавинъ заявилъ себя съ весьма дурной стороны, и поступокъ его (заявленіе о томъ, что аптека беретъ дорого за лекарства) не приноситъ чести порядочному врачу. Наконецъ, въ этомъ письмѣ медицинскій инспекторъ обѣщаетъ аптекарю, что врачъ Бѣлавинъ не останется въ городѣ Омскѣ, это угрожало врачу Бѣлавину, кромѣ суда.

Итакъ, правда опять торжествуетъ. Г. Р., или г. Розенплентеръ, не имѣлъ и не имѣетъ двухъ аптекъ, а имѣетъ другую аптеку мать г. Розенплентера, теперь аптека принадлежитъ наслѣдникамъ (а г. Розенплентеръ въ числѣ ихъ, или нѣтъ, не сказано, а напрасно). Затѣмъ, кому она будетъ принадлежать, еще неизвѣстно. (Совершенно вѣрно. Наслѣдники, въ числѣ ихъ и г. Р., вѣдь могутъ подарить эту аптеку городу, вѣроятно, этимъ и вызвана защита г. Эзета). Далѣе выясняется, что, открывъ, кромѣ аптеки, свой собственный магазинъ, г. Розенплентеръ создалъ самъ себѣ конкурренцію. Весьма странное понятіе о конкурренціи! И зачѣмъ только г. Р. вздумалъ причинять убытки себѣ. Охота была ему открывать еще магазинъ. Весьма жалѣемъ г. Розенплентера". Всѣ обличенія аптеки въ дороговизнѣ докторомъ Бѣлавинымъ, какъ видно, были сведены къ 23 коп., а потомъ къ нулю; наконецъ, какъ видно, врачъ Бѣлавинъ за свое обличеніе достаточно пострадалъ, осталась въ памяти потомства только острота медицинскаго инспектора. Аргументъ г. Эзета, что общество не позволитъ никому обижать себя, конечно, неопровержимъ. Редактору, жившему въ Омскѣ, конечно, не приходило въ голову учитывать аптеку, онъ, какъ всякій обыватель, платилъ, что требовалось за лекарство, но также во имя правды позволитъ себѣ заявить, что г. Бѣлавинъ считался однимъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ врачей въ Омскѣ, и если г. Эзету позволительно дѣлать аттестаціи, то мы просимъ и свою присоединить.

Затѣмъ осмѣливаемся замѣтить на письмо г. Эзета: понятна вся его любовь къ г. Розенплентеру, но не слѣдуетъ клеймить и бросать грязью въ другихъ, какъ, напримѣръ, въ доктора Бѣлавина и въ нашего корреспондента, потому что здѣсь не будетъ уже безпристрастія.

Напрасно г. Эзетъ упрекаетъ корреспондента, что онъ нападаетъ на „семейный очагъ". Намъ кажется, „семейный очагъ" тутъ не причемъ. Корреспондентъ говорилъ о тѣхъ фикціяхъ въ общественномъ дѣлѣ, которыя существуютъ при посредствѣ родства. Родственники здѣсь являются какъ поддержка монополіи въ городѣ. Причемъ тутъ семейный очагъ! Такъ посмотрѣла на это и редакція. Во всякомъ случаѣ, мы слишкомъ хорошо умѣемъ уважать тѣ стороны родственныхъ и семейныхъ отношеній, которыя не подлежатъ обсужденію, но если онѣ касаются общественнаго дѣла, если какой нибудь родственникъ фигурируетъ и орудуетъ въ общественномъ дѣлѣ, въ публикѣ, на глазахъ у всѣхъ, то почему же онъ долженъ игнорироваться. Вѣдь это тоже правда! О правда, сколько изъ-за тебя хлопотъ!

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Англійское министерство потребовало на приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ съ Россіей особый кредитъ въ 6,500,000 фунтовъ стерлинговъ. Относительно самыхъ приготовленій правительство высказалось въ парламентѣ весьма глухо, оно сообщило только, что англійскому гарнизону въ Индіи необходимы подкрѣпленія. При нормальномъ положеніи дѣлъ, въ Индіи содержится 50 баталіоновъ пѣхоты, 9 полковъ кавалеріи и 74 батареи, въ томъ числѣ 48 полевыхъ. Неизвѣстно, на сколько эти войска будутъ усилены, но, по словамъ лорда Гренвилля, подкрѣпленія пошлются значительныя и будутъ изъ войскъ, находящихся въ Англіи. Англійскія газеты полагаютъ, что нынѣшнихъ войсковыхъ частей, находящихся въ Англіи, будетъ недостаточно для выполненія предначертаній правительства и что въ Индію будутъ посланы гарнизоны станцій Средиземнаго моря, нормальная численность которыхъ представляетъ 9 баталіоновъ, 6 инженерныхъ ротъ и 15 крѣпостныхъ батарей. Все это взятое вмѣстѣ съ англійской мобилизаціей составитъ армейскій корпусъ въ 36,000 человѣкъ. Относительно матеріальной части предполагается сдѣлать заготовленіе въ широкихъ размѣрахъ. А между тѣмъ появилось извѣстіе, что британскій флагъ водруженъ въ портѣ Гамильтонъ на островѣ Кельвартъ въ Корейскомъ архипелагѣ. Островъ этотъ представляетъ великолѣпную позицію при морской войнѣ. Онъ преграждаетъ путь какъ въ Японское море, такъ и въ порты въ Тихомъ океанѣ. Близость его къ южной Японіи и сѣверному Китаю даетъ ему въ данной мѣстности господствующее положеніе надъ морскими путями въ Корею, Японію и Китай. Этотъ шагъ Англіи лондонская печать называетъ удовлетвореніемъ за бой на р. Кушкѣ и сильнымъ ударомъ для Россіи. Англійское правительство отправило герцогу Коннаутскому и лорду Дюфферину телеграмму, которая хотя и не содержитъ въ себѣ политическихъ извѣстій, однако сообщаетъ, что политическіе виды имѣютъ крайне критическій характеръ. Вице-король созвалъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено немедленно сосредоточить въ Кветтѣ отрядъ войскъ. 11-го апрѣля утромъ, въ одномъ изъ помѣщеній адмиралтейства произведенъ взрывъ посредствомъ динамита. Слѣдствіе открыло, что бомба, начиненная динамитомъ, была брошена въ комнату секретаря со стороны Сентъ-Джемскаго дворца какимъ то неизвѣстнымъ человѣкомъ въ костюмѣ рабочаго. Человѣкъ

этотъ скрылся бѣгствомъ черезъ Сентъ-Джемскій паркъ. Комната секретаря разрушена и завалена мусоромъ, самъ онъ тяжело раненъ.

— Австрія, двинувшая свои войска на Балканскій полуостровъ, вошла въ предварительное соглашеніе съ албанцами. Митровица и Салоники намѣчены австрійскимъ правительствомъ цѣлью движенія войскъ, а въ то же время вѣнская печать заговорила о необходимости окончательнаго, оффиціальнаго присоединенія къ австрійскимъ владѣніямъ Босніи и Герцеговины. По слухамъ, впрочемъ, аппетитъ Австріи разыгрался не на шутку, она разсчитываетъ поглотить Македонію, куда по наущенію австро-венгерскаго правительства отправились сербскіе инсургенты съ цѣлью вызвать серьёзное броженіе. А какъ скоро это броженіе выразится въ безпорядкахъ, и безъ того проявляющихся за послѣднее время, Австрія займетъ провинцію войсками и будетъ водворять въ ней порядокъ, подобно тому, какъ она водворяла его въ Босніи и Герцеговинѣ, т. е. поставитъ тамъ гарнизоны и будетъ охранять военные и коммерческіе пути въ ожиданіи благопріятнаго случая для присоединенія. Болгарія смотритъ на вопросъ менѣе близоруко, чѣмъ сосѣдка ея Сербія, ослѣпленная совсѣмъ притворной дружбой Австріи.

— Въ Бельгіи палатою представителей принятъ законопроектъ, предоставляющій королю Леопольду принять титулъ короля Конго. Въ законопроектѣ оговорено, что присвоеніе бельгійскому королю этого титула не налагаетъ на Бельгію никакихъ ни политическихъ, ни финансовыхъ обязательствъ.

— Французское правительство, не смотря на то, что въ „Пекинской Газетѣ" было напечатано оффиціальное объявленіе о подписаніи предварительныхъ мирныхъ условій и о распоряженіи о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, не довѣряетъ Китаю и не разсчитываетъ на окончательное примиреніе. Сомнѣнія возбуждаетъ вопросъ объ исходѣ дальнѣйшихъ переговоровъ по части установленія границы Тонкина, куда поэтому и продолжается отправка французскихъ войскъ. Министерство Брессона, смѣнившее собою кабинетъ Ферри, намѣрено употребить открытый ему кредитъ въ 200 милліоновъ франковъ на упроченіе обладанія Тонкиномъ, на устройство въ этой новой колоніи казармъ, фортовъ и дорогъ. Въ Парижѣ много толковъ возбудило слѣдующее происшествіе. Однимъ французомъ издавалась въ Каирѣ газета „Bosphore egyptien", враждебно относившаяся къ англичанамъ. Недавно въ ней было напечатано воззваніе Магди. Египетское правительство, вмѣсто того, чтобы привлечь редактора къ суду, распорядилось объ опечатаніи помѣщенія редакціи, что исполнилъ полицейскій отрядъ подъ начальствомъ капитана Фенвика. Фактъ вторженія полиціи въ редакцію былъ признанъ въ Парижѣ за противозаконное нарушеніе неприкосновенности жилища и по этому поводу французскій генеральный консулъ въ Парижѣ обратился къ египетскому правительству съ протестомъ. Нубаръ-паша далъ неудовлетворительный отвѣтъ. Тогда французское правительство предписало своему генеральному консулу прекратить сношенія съ египетскимъ правительствомъ. Консулъ объявилъ, что выѣзжаетъ изъ Каира. Нубаръ-паша избралъ посредникомъ греческаго генеральнаго консула. Если послѣднему не удастся примирить, то дѣло приметъ острый характеръ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Похороны Н. И. Костомарова 11-го апрѣля напоминали своей торжественностью похороны Тургенева. Съ 10 часовъ утра небольшая, скромная квартира покойнаго, похожая скорѣе на библіотеку, переполнилась народомъ. Тамъ товарищъ дѣтства покойнаго, Неслуховскій, учитель исторіи, сказалъ прочувствованную рѣчь, переполненную личными воспоминаніями. Изящный металлическій гробъ съ золоченными украшеніями вынесли, по малороссійскому обычаю, открытымъ, неся все время на рукахъ. На крышкѣ, прикрытой вѣнками, выдѣлялся великолѣпный вѣнокъ изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ отъ „Вѣстника Европы". Около 11 час. процессія прибыла къ подъѣзду университета, и гробъ былъ внесенъ въ церковь. Здѣсь уже собрались многія высокопоставленныя лица и представители литературы и науки, явившіеся отдать послѣдній долгъ усопшему. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, товарищъ министра князь Волконскій, попечитель учебнаго округа генералъ Новиковъ, помощникъ его г. Лаврентьевъ и др. Церковь была переполнена, такъ что буквально негдѣ было яблоку упасть. Заупокойную литургію совершилъ архимандритъ греческой церкви Неофитъ, въ сослуженіи съ двумя протоіереями. По окончаніи богослуженія, профессоръ университета протоіерей Рождественскій сказалъ слово о заслугахъ покойнаго. Трогательно было видѣть, съ какимъ искреннимъ соболѣзнованіемъ и глубокимъ благоговѣніемъ прощались присутствовавшіе въ послѣдній разъ съ дорогимъ покойникомъ. Много было пролито искреннихъ слезъ, пока крышка навсегда захлопнулась и массивный металлическій гробъ подняли съ катафалка, чтобы вынести изъ церкви. Хоръ студентовъ пѣлъ въ это время гимнъ, а толпа, ожидавшая на площади, обнажила головы. Въ виду множества лицъ, изъявившихъ желаніе нести гробъ, рѣшено было не ставить его на колесницу и нести до мѣста на рукахъ. Депутаціи съ вѣнками растянулись почти на полверсты. Всѣхъ вѣнковъ, несенныхъ на шестахъ, было сорокъ. Впереди несли крестъ изъ зелени и цвѣтовъ съ траурными лентами, на которыхъ золотыми буквами сдѣлана была надпись „изъ Кіева отъ земляковъ". За крестомъ слѣдовала роскошная хоругвь, изъ серебряной парчи, съ изображеніемъ въ серединѣ вѣнка и креста и съ надписью: „земляки историку Украины"; за хоругвью слѣдовали четыре малоросса, изъ которыхъ одинъ былъ въ своемъ національномъ армякѣ. На красивомъ вѣнкѣ изъ зелени и лавровыхъ листьевъ «отъ городскаго общественнаго управленія» сдѣлана въ серединѣ надпись: „славному историку и профессору"; за вѣнкомъ шелъ всю дорогу М. И. Семевскій. Далѣе слѣдовали по порядку: 1) большая хоругвь изъ серебряной парчи, съ множествомъ длинныхъ траурныхъ лентъ и кистей съ надписью славянскими буквами: „отъ учащихся украинцевъ и украинокъ"; 2) депутація отъ С.-Петербургскаго университета съ большимъ вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ; 3) отъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ—красивый металлическій вѣнокъ на подушкѣ, съ надписью; 4) роскошный вѣнокъ изъ живыхъ розъ и лаврыщей съ траурными лентами и надписью: „отъ профессоровъ Харьковскаго университета"; 5) отъ профессоровъ, студентовъ и служащихъ Казанскаго университета—изящный металлическій вѣнокъ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ на подушкѣ лиловаго бархата; 6) вѣнокъ изъ свѣжихъ лавровъ и зелени, съ надписью: „отъ высшихъ женскихъ курсовъ"; депутація при вѣнкѣ состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ курсистокъ; 7) весьма изящный вѣнокъ изъ иммортелей и цвѣтовъ „отъ с.-петербургской консерваторіи"; 8) металлическій вѣнокъ отъ товарищества передвижныхъ выставокъ; 9) вѣнокъ изъ живыхъ пальмовыхъ вѣтвей и зелени отъ историко-филологическаго института съ надписью: „любимому историку"; 10) небольшой вѣнокъ „отъ курсистокъ Украины"; 11) хвойный вѣнокъ съ выпиленными изъ дерева буквами: „отъ студентовъ лѣснаго института"; депутацію составляли болѣе десяти студентовъ; 12) вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и пальмовыхъ листьевъ съ надписью: „отъ высшихъ кіевскихъ женскихъ курсовъ"; 13) большой вѣнокъ изъ зелени „отъ слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ"; 14) вѣнокъ изъ живыхъ розъ отъ студентовъ-медиковъ, за вѣнкомъ шла масса студентовъ; 15) серебряный вѣнокъ отъ студентовъ технологическаго института; 16) громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, за которымъ шла толпа студентовъ; 17) металлическій.

бѣлый вѣнокъ отъ санитарнаго съѣзда врачей Спб. губерніи; 18) лавровый вѣнокъ отъ литературнаго фонда; 19) большой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени „отъ присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ"; 20) вѣнокъ изъ живыхъ розъ, съ надписью въ серединѣ: „Костомарову", на траурныхъ лентахъ надпись «отъ редакціи „Новостей"»; 21) вѣнокъ отъ редакціи „Новаго Времени"; 22) отъ „Историческаго Вѣстника"; 23) вѣнокъ съ надписью: „родному историку-художнику" отъ „Старины"; 24) отъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей"; 25) большой металлическій вѣнокъ съ надписью въ срединѣ на голубомъ фонѣ: „незабвенному историку"—„Новь"; 26) отъ товарищества М. О. Вольфа; 27) отъ редакціи „Недѣли"; 28) отъ почитателей; 29) отъ бывшихъ кіевскихъ студентовъ; 30) отъ земляковъ-одессистовъ; 31) отъ харьковской учащейся молодежи; 32) отъ сибиряковъ; 33) отъ харьковскихъ почитателей; 34) большая хоругвь изъ золотой парчи отъ кіевскихъ студентовъ съ надписью славянскими буквами: „ученому и общественному дѣятелю на пользу роднаго народа" и, наконецъ, 35) приспущенное знамя Славянскаго благотворительнаго общества съ водруженнымъ на немъ золотымъ восьмиконечнымъ крестомъ; на лентахъ небольшаго вѣнка надпись: „русскому исторіографу—вѣчная память". Гробъ несли все время на носилкахъ. Позади гроба шли: вдова покойнаго, родственники, профессора, литераторы, студенты, провожавшіе, въ числѣ которыхъ былъ и гость нашъ г. Ристичъ. Толпа за гробомъ дорогою все росла и достигла къ концу громадныхъ размѣровъ, такъ что по улицамъ, не смотря на прекращенную повсемѣстно ѣзду, двигаться можно было съ трудомъ. Шествіе заключалось вереницею экипажей. Тронувшись отъ университета въ половинѣ перваго часа, печальный кортежъ прибылъ на кладбище лишь въ пятомъ часу; при его приближеніи съ церковной колокольни раздался печальный благовѣстъ. Всѣ депутаціи съ вѣнками прошли впередъ и размѣстились вокругъ вырытой свѣжей могилы на такъ называемомъ литературномъ кладбищѣ; склепъ обложенъ былъ внизу голубой матеріей и вѣнками. Здѣсь, прежде, чѣмъ опустить гробъ въ могилу, архимандритъ Неофитъ отслужилъ литію. Не смотря на страшную тѣсноту и массы народа, усѣявшаго всѣ сосѣднія могилы, тишина все время была мертвая. Къ сожалѣнію, прекрасная погода къ этому времени испортилась и началъ накрапывать дождь. По окончаніи богослуженія, къ могилѣ приблизился одинъ изъ депутатовъ-украинцевъ и сказалъ на своемъ родномъ языкѣ прочувствованное слово. Голосъ оратора дрожалъ и прерывался нѣсколько разъ.

— Спасибо тебѣ теплое за все. Вѣчную славу посылаетъ тебѣ Украина и весь русскій народъ.

Другой молодой ораторъ также говорилъ на малороссійскомъ нарѣчіи.

— Пока солнце всходитъ,—закончилъ онъ,—не забудемъ тебя, батько Николо.

Д. Л. Мордовцевъ сказалъ глубоко-прочувствованную рѣчь:

„Кто изъ предстоящихъ здѣсь, у этой свѣжей могилы, не помнитъ того величайшаго момента во всей исторіи человѣчества, когда, 1885 лѣтъ тому назадъ, на Голгоѳѣ, на крестѣ раздался вопль страданія и скорби: Елои, Елои, лима савахвани".—„Боже мой! вскую мя еси оставилъ!" Стоявшіе при крестѣ іудеи и римскіе воины не поняли этихъ словъ (иные думали, что Онъ зоветъ Илію),—не поняли потому, что въ предсмертномъ воплѣ Назарянина невольно вырвалась его родная рѣчь—рѣчь Назареи, а не Іудеи, которая въ то время, по отношенію къ Назареѣ, была тѣмъ же, чѣмъ теперь стала Малороссія по отношенію къ Великой Россіи.

„Почему Христосъ въ самый скорбный моментъ земной жизни заговорилъ родною рѣчью, а не общепринятымъ тамъ іудейскимъ языкомъ,—не намъ разгадывать эту Божественную тайну.

„Но въ жизни каждаго человѣка, почему либо отбившагося отъ родной рѣчи, бываютъ моменты, когда въ его душу невольно просится эта рѣчь, и онъ говоритъ языкомъ матери. Это—тѣ скорбные моменты, когда эта скорбь невольно выкрикивается, когда забывается о томъ, кто слушаетъ этотъ крикъ боли.

„Въ словахъ, сказанныхъ здѣсь предо мною, и слышался этотъ вопль скорби. Но всѣ ли его поняли? Не послышалось ли кому либо изъ предстоящихъ здѣсь что либо другое, кромѣ глубокой скорби о потерѣ того, кого мы здѣсь хоронимъ?

„Я боюсь быть непонятымъ и потому говорю мое прощальное слово усопшему другу на языкѣ Великой Россіи. Мое слово будетъ коротко, ибо, что бы я ни сказалъ о Костомаровѣ, все же это не будетъ составлять и тысячной доли того, что онъ самъ сказалъ о себѣ своими великими заслугами передъ родиной, и я моими словами не прибавлю и лепестка къ его лаврамъ: не это его лавры, что вы видите—это дань нашей любви къ нему и благодарности; а его лавры—въ десяткахъ и сотняхъ тысячахъ книгъ—я не ошибусь, если такъ скажу—разсѣянныхъ по всей Россіи.

„Я говорю теперь потому, что во мнѣ говоритъ скорбь, можетъ быть, больше, чѣмъ у другихъ, меньше его знавшихъ.

„И я невольно говорю слова, сказанныя на крестѣ: „Елои Елои!".

„Но я обращаю ихъ къ тому, кто лежитъ здѣсь, на языкѣ его родины.

„Прощай же, друже велетный!—надъ твоею труною уся Украина сумуе.... „все сумуе, якъ руины Трои: все сумуе—твоя-жъ слава солнцемъ засіяла"... И не вмеръ ты—твоя слава не вмре, не поляже.

Поки стоитъ Украина,
Поки шумлять вербы,
Поки рута зеленіе
Та цвите барвинокъ!"

Послѣднимъ говорилъ отъ имени славянскаго благотворительнаго Общества О. Ѳ. Миллеръ.

На могилѣ получена была изъ Москвы слѣдующая телеграмма отъ студентовъ Московскаго университета: „Новую слезу посылаемъ мы на свѣжую могилу Волкова кладбища, но въ сердцѣ своемъ оставляемъ вѣчную память о славномъ историкѣ земли русской".

— Бывшими учениками покойнаго Н. И. Костомарова собирается, какъ передаютъ „Новому Времени", по подпискѣ сумма на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ нѣсколькихъ стипендій его имени.

— Съ 1885—1886 учебнаго года въ Нижегородской губерніи послѣдуетъ открытіе новаго техническаго училища, на содержаніе котораго министерство финансовъ ассигновало особую сумму.

— Тысячелѣтіе памяти св. Кирилла и Меѳодія отпраздновано по всей Россіи съ большимъ торжествомъ: крестными ходами, церковнымъ колокольнымъ звономъ, рѣчами во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Въ Петербургѣ въ этомъ торжествѣ изволили принять участіе Ихъ Императорскія Величества, присутствовавшіе, вмѣстѣ съ высочайшими особами и многими высокопоставленными лицами, въ Исакіевскомъ соборѣ на молебствіи святымъ первоучителямъ славянскимъ. На слѣдующій день, 7-го апрѣля, вечеромъ, въ залѣ дворянскаго собранія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Дурново, состоялось торжественное засѣданіе славянскаго благотворительнаго Общества, посвященное чествованію памяти св. первоучителей славянъ Кирилла и Меѳодія. Громадная зала собранія была переполнена приглашенными лицами. Въ качествѣ почетныхъ гостей присутствовали многіе архіепископы и епископы, министры: народнаго просвѣщенія, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, многіе члены государственнаго совѣта, академики и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ, а также славянскіе гости, пріѣхавшіе въ Петербургъ на праздникъ Кирилла и Меѳодія. Зала была украшена славянскими флагами, а эстрада находилась подъ сѣнію хоругви св. Кирилла и Меѳодія. Въ перерывахъ между чтеніемъ рѣчей, стихотвореній и привѣтственныхъ телеграммъ, капелла г. Славянскаго исполняла различныя славянскія пѣсни, а также

три раза повторила, по требованію публики, гимнъ „Боже Царя Храни", который присутствовавшіе покрывали восторженнымъ единодушнымъ „ура" („Нед.").

— Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ разъяснено, что преподающіе въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ поименованныхъ въ приложеніи къ ст. 53, такъ и во всѣхъ вообще правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не показанныхъ въ означенномъ приложеніи, тѣ предметы, которые по уставамъ сихъ заведеній положено преподавать, освобождаются по вынутому нумеру жеребья отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ арміи на 15 лѣтъ. Приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ также должны подлежать освобожденію отъ призыва на дѣйствительную службу въ мирное время, съ зачисленіемъ въ запасъ арміи.

— „Новое Время" сообщаетъ, что 11-го апрѣля въ Кронштадтѣ состоялся военный совѣтъ. Обсуждались средства обороны и мѣры, кои необходимо принять въ случаѣ войны. Въ кронштадтскихъ мастерскихъ и лабораторіяхъ чрезвычайная дѣятельность, въ фортахъ и батареяхъ работаютъ даже ночью. Заряжаются мины загражденія, число которыхъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. Броненосцы и сто миноносокъ готовы выйдти въ море.

— Въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ" сообщаютъ отъ 14-го апрѣля. „Дѣятельность въ нашихъ гаваняхъ кипитъ попрежнему. Къ уже начавшимъ кампанію 32-мъ судамъ съ сегодняшняго утра присоединились еще: трехъ-башенный броненосный фрегатъ „Адмиралъ Грейгъ", броненосная батарея „Кремль", мониторъ „Тифонъ", канонерскія лодки „Буря", „Вихрь" и „Щитъ", миноносецъ „Взрывъ", винтовой фрегатъ „Свѣтлана", паровой крейсеръ „Европа", колесный пароходо-фрегатъ „Олафъ", винтовой транспортъ „Красная Горка", колесный пароходъ „Ермоловъ", поддерживающій сообщеніе съ фортами, расположенными на рейдѣ, и гидравлическіе плавучіе доки. Всѣ эти суда вооружались и прежде, но съ сегодняшняго дня команды ихъ въ полномъ составѣ поступили въ распоряженіе командировъ и получаютъ полное морское довольствіе. На судахъ, начавшихъ кампанію съ прошлаго воскресенья, работы по вооруженію подвигаются необыкновенно быстро".

— Гельсингфорсская газета „Finland" сообщаетъ, что въ столицѣ Финляндіи принимаются уже всѣ мѣры предосторожности на случай войны. Финляндскій сенатъ заказалъ уже 800 ящиковъ, въ которые будетъ уложенъ государственный архивъ страны. Александровскій университетъ обсуждаетъ въ настоящее время мѣры, которыя необходимо будетъ принять для охраненія и вывоза изъ Гельсингфорса наиболѣе цѣнныхъ коллекцій университетскихъ. По слухамъ, сообщаемымъ тою же газетою, генералъ-лейтенантъ Седергольмъ, начальникъ инженеровъ финляндскаго округа, назначается комендантомъ Свеаборгской крѣпости (Н. В.)

— Генералъ-губернаторъ Финляндіи генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ, по словамъ финляндскихъ газетъ, прибылъ въ Петербургъ для того, чтобы принять участіе въ работахъ государственнаго совѣта по вопросу о финляндскихъ таможенныхъ привиллегіяхъ. Съ тою же цѣлью уже выѣхали въ Петербургъ начальники финансовой части въ Финляндіи, сенаторы Моландеръ и Мехелинъ (Н. В.)

— 11-го апрѣля, въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ слушались кассаціонныя жалобы Рыкова и другихъ. Подсудимые жаловались на неправильное преданіе ихъ суду, на нарушеніе правилъ судопроизводства: допущеніемъ на присяжныхъ посторонняго вліянія, въ лицѣ судебнаго пристава Тинькова, допущеніемъ присяжныхъ читать враждебныя подсудимымъ газеты, неостановкой предсѣдателемъ Плевако, назвавшаго Рыкова скорпіономъ, стѣсненіемъ защиты Рыкова, удаленіемъ его изъ залы засѣданія; жаловались на чрезмѣрную скорость приговора присяжныхъ, рѣшившихъ въ 337 минутъ болѣе 400 вопросовъ, и на другія нарушенія. Прокуроръ Кони въ своемъ заключеніи отрицалъ уважительность всѣхъ 56 поводовъ кассаціи. Сенатъ оставилъ кассаціи, за силою 912 ст. Угол. судопр., безъ послѣдствія.

— 10-го апрѣля происходило шестое присужденіе преміи с.-петербургскаго Фрёбелевскаго общества за лучшій разсказъ для дѣтей до школьнаго возроста, при участіи П. И. Вейнберга, Ор. Ѳ. Миллера, А. Н. Плещеева, Як. П. Полонскаго и В. П. Острогорскаго. Въ настоящемъ году на соисканіе преміи было доставлено девяносто восемь разсказовъ. Совѣтъ, разсмотрѣвъ рукописи, остановился на шести выдающихся. Эти шесть разсказовъ были вновь прочитаны въ засѣданіи 10-го апрѣля. Изъ нихъ только одинъ признанъ удовлетворяющимъ литературнымъ требованіямъ; но такъ какъ содержаніе его взято не изъ русской жизни, притомъ въ немъ говорится объ осадѣ большаго города и о неразлучныхъ съ нею лишеніяхъ и бѣдствіяхъ, о чемъ дѣти младшаго возроста не въ состояніи составить себѣ правильнаго понятія, то и рѣшено было: въ виду того, что ни одинъ изъ присланныхъ разсказовъ не выполняетъ конкурсной программы, признать конкурсъ не состоявшимся, присужденіе преміи отложить до августа, назначивъ 20-го іюля 1885 г. срокомъ представленія рукописей на новое соисканіе. Условія конкурса остаются прежнія.

— „Петерб. Листокъ" сообщаетъ, что 11-го апрѣля, на Волковомъ кладбищѣ опустили въ могилу тѣло покойнаго Владиміра Степановича Курочкина. Владиміръ Степановичъ былъ старше двухъ извѣстныхъ братьевъ и умеръ на 56 году отъ рожденія послѣднимъ въ родѣ Курочкиныхъ. Онъ былъ извѣстенъ всему литературному міру шестидесятыхъ годовъ, принимая скромное участіе въ литературѣ и переводѣ легкихъ театральныхъ пьесъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

С. КАПУСТИНА:

Формы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ особенностей. Ц. 1 р.

Что такое поземельная община. Ц. 40 к.

Троицкій пер., № 11.

Поставщиковъ учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію министерства народнаго просвѣщенія постоянной коммиссіи народныхъ чтеній.

Мастерская основана въ 1873 г.

ДЕСЯТЬ МЕДАЛЕЙ

на выставкахъ въ БРЮССЕЛѢ, ФИЛАДЕЛЬФІИ, ПАРИЖѢ, МОСКВѢ и друг.

Болѣе 3,500 №№ картинъ.

ФОНАРИ ОТЪ 7 ДО 700 РУБЛЕЙ.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

НОВЫЙ (№ 5)

спеціальный иллюстрированный каталогъ волшебныхъ фонарей, картинъ, принадлежностей для читаленъ и чтеній для народа и солдатъ. Высыл. за почтовыя марки на 21 к.

Большой выборъ

учебныхъ пособій, игрушекъ, забавъ, образовательныхъ игръ и занятій (болѣе 70 собств. изданій).

С.-Петербургъ. Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, д. № 39. Редакторъ-издатель Ядринцевъ.